

никіянь и существованіе ихъ поселеній на островахъ и континентѣ Греціи; торговыя сношенія ихъ съ греками тоже относить къ сравнительно позднему времени, къ VIII—VII в. Белохъ не высокаго мнѣнія объ авторитетѣ Фукидида и Аристотеля (въ „Аѣинской Политіи“); онъ не только отрицаетъ существованіе Драконовой конституціи, какъ о ней говоритъ 4-я глава „Аѣин. Пол.“, и не только признаетъ за анекдотъ, не имѣющій никакой цѣны, рассказъ объ участіиThemistokles въ проведеніи реформы ареопага — съ чѣмъ нельзя не согласиться —, но онъ, слѣдуя за Низе, отрицаетъ существованіе совѣта 400 при Солонѣ; отрицаетъ даже возможность, чтобы жребій введенъ былъ Солономъ хотя бы въ смѣшанномъ видѣ; вопреки свидѣтельству Геродота и Аристотеля, признаетъ лишь однократное изгнаніе и возвращеніе Писистрата; сомнѣвается въ достовѣрности свидѣтельства „Аѣ. Пол.“ относительно избранія стратеговъ съ 501 или 502 г.; отвергаетъ, чтобы ареопагъ усилился послѣ Саламинскаго сраженія; рассказъ Фукидида о хитрости, къ которой прибѣгнулъ Themistokles по отношенію къ спартамцамъ при возстановленіи аѣинскихъ стѣнъ изъ развалинъ послѣ нашествія персовъ, считаетъ простымъ анекдотомъ и проч. Этотъ крайній скептицизмъ и гиперкритика составляютъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ недостатковъ интереснаго труда Белоха.

И въ оцѣнкѣ лицъ и явленій Белохъ нерѣдко отступаетъ отъ общепринятой точки зрѣнія. Одновременно съ Pflugk-Hartung'омъ и Дункеромъ, но независимо отъ нихъ и вполне самостоятельно, еще въ своей монографіи „Die attische Politik seit Perikles“ онъ пришелъ къ отрицательному взгляду на Перикла, какъ полководца и государственнаго дѣятеля. И въ своей „Греческой исторіи“ онъ повторяетъ его, хотя въ болѣе умѣренной формѣ: Белохъ сомнѣвается, былъ ли Периклъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, ибо ему не удалось удержать Аѣинскую державу на той высотѣ, на какую возвели ее Themistokles и Климонъ; но „онъ былъ, какъ мы сказали бы теперь, великимъ парламентскимъ дѣятелемъ“ („ein grosser Parlamentarier“). Еврипида Белохъ ставитъ выше Софокла; софистовъ онъ, подобно Гроту, беретъ подъ свою защиту; онъ выставяетъ ихъ заслуги и вовсе не считаетъ ихъ „учителями безнравственности“. Для Белоха софистическое движеніе — синонимъ научнаго просвѣщенія; а просвѣщеніе и науку онъ ставитъ чрезвычайно высоко, выше всякихъ иныхъ идеальныхъ благъ. Преклоняясь предъ наукой и просвѣ-

щеніемъ, Белохъ готовъ набросить тѣнь на Сократа и Платона, какъ на „реакціонеровъ“¹⁾). Вообще Белохъ цѣнитъ грековъ главнымъ образомъ какъ искателей пути современной науки; онъ судитъ о лицахъ и эпохахъ преимущественно съ точки зрѣнія отношенія ихъ къ прогрессу и просвѣщенію. Почти всюду чувствуетъ ся, что авторъ имѣетъ въ виду аналогію съ современными явленіями, что онъ, такъ сказать, модернизируетъ греческую исторію. Мѣстами проглядываетъ нѣкоторая поверхностность. Но въ отсутствіи оригинальности и смѣлости Белоха никоимъ образомъ нельзя упрекнуть: это — ученый съ самостоятельными взглядами, съ новыми приемами изслѣдованія античной древности, и его „Греческая исторія“ вовсе не простая компиляція популярнаго характера. Специалистъ найдетъ въ ней немало интересныхъ точекъ зрѣнія, хотя и не со всѣмъ можно согласиться; а то, что Белохъ обратилъ такое вниманіе на явленія социально-экономической жизни Греціи, составляетъ положительную его заслугу.

По своему сравнительно небольшому объему, интересному живому содержанію и прекрасному изложенію, „Греческая исторія“ Белоха является какъ нельзя болѣе подходящимъ пособіемъ для всякаго образованнаго читателя; нужно только имѣть въ виду, что Белохъ не свободенъ отъ крайностей и увлеченій. Его „Griechische Geschichte“ имѣется и въ русскомъ — и притомъ прекрасномъ — переводѣ М. О. Гершензона²⁾), вполне могущемъ замѣнить подлинникъ. Мало того: для этого перевода Белохъ сдѣлалъ нѣкоторыя добавленія и исправленія (правда, небольшія), такъ что русскій текстъ можетъ быть разсматриваемъ какъ новое изданіе.

Эд. Мейеръ.

Съ „Греческою исторіею“ Белоха имѣетъ сходныя черты „Geschichte des Alterthums“ Эд. Мейера (до послѣдняго времени профессора въ Галле, а теперь — въ Берлинѣ), II—V томы которой касаются главнымъ образомъ греческой исторіи (II томъ ея вышелъ почти одновременно съ I т. Белоха). Сходство это обнаруживается въ приемахъ, въ томъ вниманіи, какое удѣляетъ Э. Мейеръ социально-экономическимъ явленіямъ, въ нѣкоторыхъ положе-

¹⁾ A. d. Bauer, Die Forschungen..., стр. 250.

²⁾ М. О. Гершензонъ превосходно владѣетъ литературнымъ языкомъ и самъ занимался греческою исторіею; ему принадлежатъ работы: „Аристотель и Эфоръ“ (составляетъ второй отдѣлъ „Изслѣдованій по греческой исторіи“, М. 1894, первый отдѣлъ коихъ составляетъ изслѣдованіе В. А. Маклакова: „Избраніе жребіемъ въ аѳинск. государствѣ“) и „Аѳинская Политія Аристотеля и жизнеописанія Плутарха“, М. 1895.

ніяхъ или выводахъ и даже въ частностяхъ; напр., и Э. Мейеръ склоненъ модернизовать древность; и онъ доказываетъ, что число рабовъ въ древности не было особенно велико и рабство не имѣло того значенія, какое ему приписываютъ; и онъ отвергаетъ рассказъ о двукратномъ изгнаніи и возвращеніи Писистрата и т. под. Но, при всемъ сходствѣ, въ научномъ отношеніи трудъ Э. Мейера стоитъ выше труда Белоха—по строгости метода, по основательности, по свободѣ отъ крайностей и односторонности, по обширности и разносторонности знаній автора, по широтѣ универсально-историческаго взгляда. „Geschichte des Alterthums“ Э. Мейера—трудъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе крупный и капитальный, нежели „Греческая исторія“ Белоха.

„Geschichte des Alterthums“ Э. Мейера начала выходить около 20 лѣтъ тому назадъ: I т. ея появился въ 1884 г. и всецѣло посвященъ исторіи древняго востока. Онъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ по этому отдѣлу. На первыхъ страницахъ этого тома Э. Мейеръ высказываетъ общій взглядъ свой на исторію и историческій процессъ. По его мнѣнію, историческая жизнь состоитъ въ борьбѣ „индивидуализированія“ противъ силы преданія и господствующихъ воззрѣній, противъ всеобщности и единообразія. Поэтому исторія, хотя она и подчинена всеобщимъ законамъ, однако никогда не можетъ быть всецѣло сведена къ нимъ или просто превращена въ формулы. Она по необходимости многообразна, и ни одинъ отдѣлъ или періодъ ея не тождественъ съ другимъ. Рядомъ съ законѣрнымъ и всеобщимъ, въ ней господствуетъ случай и свободная воля (въ обыденномъ смыслѣ) отдѣльнаго лица. Историческая наука не принадлежитъ къ философскимъ или естественнымъ, и всякая попытка измѣрять ее ихъ масштабомъ недопустима. Она соприкасается съ обѣими, ибо она имѣетъ задачу изслѣдовать всеобщіе законы и формы исторической жизни и указывать сѣпленіе причины и дѣйствія въ отдѣльныхъ событіяхъ. Но настоящее ея призваніе—нисходить къ деталямъ, слѣдить за развитіемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ; правда, она занимается и типичными формами, но преимущественно и на первомъ мѣстѣ—разнообразіемъ (I, 13—15).

Почти черезъ 10 лѣтъ послѣ I тома въ 1893 г. вышелъ II-й („Geschichte des Abendlandes bis auf die Perserkriege“); затѣмъ опять послѣ долгаго промежутка, въ 1901 г.,—III-й (Bis zu den Friedensschlüssen von 448 und 446 v. Chr.), за которымъ быстро послѣдовали IV-й, въ томъ-же 1901 г. (Athen vom Frieden von 446

bis zur Kapitulation Athens im J. 404 v. Chr.), и V-й, въ 1902 г. (Der Ausgang der griech. Geschichte), заканчивающийся битвою при Мантинеѣ.

Во всѣхъ этихъ томахъ, начиная со II-го, исторія Греціи занимаетъ главное мѣсто; исторія Востока, а тѣмъ болѣе Рима и Карфагена, стоитъ на заднемъ планѣ. Тѣмъ не менѣе у Мейера—универсально-историческая точка зрѣнія. Э. Мейеръ рѣшительно возстаетъ противъ той крайней специализаціи, которая вообще свойственна XIX в. Специализація эта и „раздѣленіе труда“, говоритъ онъ, являются, конечно, необходимымъ слѣдствіемъ развитія науки, непомѣрно увеличившагося матеріала и роста литературы, и въ значительной мѣрѣ обуславливаютъ это развитіе; но онѣ имѣютъ и свою вредную сторону. Благодаря специализаціи почти совершенно рушилось единство исторической науки: изслѣдователю въ области среднихъ вѣковъ и новаго времени обыкновенно недостаетъ универсально-историческаго интереса и дѣйствительнаго знанія древности. При такой изолированности сильно пострадало и изученіе древней исторіи: вмѣсто того, чтобы рѣшать задачи въ большей связи и искать поученія въ параллельныхъ явленіяхъ, оно по принципу не считаетъ нужнымъ заглядывать далѣе своихъ узкихъ границъ. По мнѣнію Э. Мейера, настоятельно необходимо, чтобы историческое изслѣдованіе—здѣсь, какъ и вездѣ—снова возвысилось до болѣе универсальной точки зрѣнія (II, 32). Специализація должна служить только средствомъ: для великихъ задачъ историческаго изслѣдованія вся надежда въ томъ, чтобы оно снова создало свой универсальный характеръ какъ въ современной, такъ и въ античной области (II, Vorw., стр. VI).

„Geschichte des Alterthums“ Э. Мейера по темѣ напоминаетъ аналогичный трудъ Макса Дункера. Но разница между ними большая, показывающая, какой шагъ сдѣлала наука за послѣднія десятилѣтія. Притомъ Э. Мейеръ обладаетъ всѣми данными для такого широкаго построения и всесторонняго изученія: онъ—оріенталистъ и эллинистъ, историкъ и лингвистъ; онъ прекрасно знаетъ и политическую экономію. Немногіе изъ современныхъ ученыхъ имѣютъ такіа всестороннія знанія, какъ Э. Мейеръ; А. Бауэръ ¹⁾ справедливо о немъ выразился, что Мейеръ можетъ разсуждать, какъ самостоятельный изслѣдователь, съ Оппертомъ о текстѣ сузскихъ клинообразныхъ надписей, съ ассиріологами—о вавилон-

¹⁾ A. Bauer, Neue Bücher zur Griech. Gesch. (N. Jahrb., IX, 1902).

скихъ контрактахъ на табличкахъ, съ Велльгаузенемъ и другими критиками Ветхаго Заѣта—объ Эзрѣ, Неэміи, книгѣ Эсфири и проч., съ филологами-классиками—о возникновеніи Оукидидова труда.

Методъ Э. Мейера можетъ быть названъ сравнительнымъ. Мейеръ перѣдко прибѣгаетъ къ аналогіи, приводитъ примѣры изъ новой исторіи. Вообще онъ сближаетъ древность и новое время, находитъ много сходства и аналогіи въ ихъ историческомъ развитіи ¹⁾. По его мнѣнію, и въ древней Греціи были свои „среднія вѣка“ ²⁾, имѣющія много общаго съ германскимъ средневѣковьемъ. Это—періодъ, начинающійся переселеніями племенъ, вторженіемъ дорянъ, эпоха Гомера и Гесіода, пора могущества знати. Состояніе Греціи во времена напр. Гомера и Гесіода—это состояніе христіанско-германскаго средневѣковья: рѣзкое разграниченіе наслѣдственныхъ сословій, господствующее положеніе землевладѣльческой военной знати, все усиливающаяся зависимость крестьянства, начиная отъ смягченныхъ формъ крѣпостничества или подданничества до полнѣйшей закабаленности, наконецъ презираемое и мало развитое ремесло ³⁾. Словомъ, по Мейеру, гомерическая эпоха стоитъ на одномъ уровнѣ съ первой эпохой въ исторіи христіано-германскихъ народовъ и, подобно этой послѣдней, можетъ быть названа „средневѣковьемъ“ (das griechische Mittelalter). Цвѣтущая пора древности соотвѣтствуетъ новому времени: VII и VI в.—XIV-му и XV-му ст., V-й—XVI-му, а культура эллинизма можетъ быть сравниваема съ современною ⁴⁾.

По мнѣнію Э. Мейера, единого, непрерывнаго прогрессивнаго развитія нѣтъ, а есть два параллельныхъ процесса, два параллельныхъ періода въ исторіи развитія народовъ, живущихъ у Средиземнаго моря ⁵⁾: съ паденіемъ древняго міра развитіе начинается сизисно; оно опять возвращается къ тѣмъ первымъ ступенямъ, которыя уже давно были пройдены,—возвръщеніе, кстати

¹⁾ См. мою ст. въ „Рус. М.“, 1900, февр., стр. 73 сл.

²⁾ Примѣненіе этого термина въ греческой исторіи мы встрѣчаемъ еще у Bergk'a въ его Griechische Litteraturgeschichte. Сравненіе между концомъ среднихъ вѣковъ на западѣ и эпохой тиранніи въ Греціи, какъ вѣкомъ „новеллы“, находимъ мы въ статьѣ Erdmannsdörffer'a, Das Zeitalter der Novelle in Hellas (Preuss. Jahrb., XXV, 1869).

³⁾ Кромѣ Gesch. d. Alterth., см. его-же Die Sklaverei im Alterthum, Dresden. 1898 (есть русск. пер.).

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ См. его Die wirtschaftliche Entwicklung d. Alterthums. Jena. 1895 (русск. пер. М. О. Гершензона. Спб. 1898) и Die Sklaverei im Alterthum.

сказать, нѣсколько напоминающее идеи Вико, автора „Новой Науки“. Древній міръ, говоритъ Э. Мейеръ, погибъ не вслѣдствіе какого-нибудь разрушительнаго внѣшняго переворота, а благодаря дѣйствию внутреннихъ силъ,—„вслѣдствіе разложенія совершенно выработанной и по своему существу вполне современной культуры, умершей естественною смертію“. „Средневѣковой міровой порядокъ во второй разъ сталъ господствовать“. Такимъ образомъ, человѣчество, по этому воззрѣнію, какъ-бы обречено на своего рода Сизифову работу... Э. Мейеръ забываетъ то, что онъ самъ говорилъ на первыхъ страницахъ своего труда, а именно, что въ исторіи ни одинъ періодъ не можетъ быть тождественъ съ другимъ; онъ упускаетъ изъ виду или не считаетъ нужнымъ отмѣтить два важныхъ обстоятельства: во-первыхъ, при всемъ параллелизмѣ и аналогіи въ историческомъ развитіи древности съ одной стороны, среднихъ и новыхъ вѣковъ съ другой нѣтъ полного тождества и повторенія; въ христіанскомъ, западно-европейскомъ средневѣковѣ наблюдаются новыя черты и элементы, которыхъ нѣтъ въ античной древности, которые послѣдней совершенно чужды; и во-вторыхъ, предшествующій періодъ развитія не прошелъ безслѣдно: въ наслѣдіе отъ него осталось многое, что пережило вѣка и вліяло на послѣдующее развитіе,—нѣкоторыя идеи, учрежденія, культура. Э. Мейеръ какъ-бы отрицаетъ здѣсь могущество и преемственность исторической традиціи.

Онъ признаетъ сходство и въ хозяйственномъ развитіи древности и новаго времени: по Мейеру, Греція въ этомъ отношеніи прошла въ сущности чрезъ тѣ-же стадіи и уже въ ней существовали высшія формы экономическихъ отношеній; напр. Аѳины въ V и IV в. стоятъ такъ же подъ знаменіемъ капитализма, какъ и Англія съ XVIII ст. или Германія съ XIX (III, 550).

Естественно послѣ этого, что Э. Мейеръ не могъ сочувствовать господствовавшей еще недавно теоріи примитивности хозяйственныхъ формъ древности, по которой древнее хозяйство было будто-бы хозяйствомъ *oïkos*’а, т. е. автономнымъ хозяйствомъ „дома“, собственными силами, удовлетворяющимъ всѣ свои потребности. Теорія эта еще въ 60-хъ годахъ была высказана Родбертусомъ, а затѣмъ уже въ 90-хъ годахъ истекшаго столѣтія развити и нѣсколько видоизмѣнена извѣстнымъ ученымъ Карломъ Бюхеромъ (въ его „Происхожденіи народнаго хозяйства“) ¹⁾, по

¹⁾ Die Entstehung der Volkswirtschaft. 1-е изд.—1893; 2-е, очень дополненное и измѣненное,—1898; 3-е—1901. Есть русск. пер. Спб. 1897. Бюхеру

которому народное хозяйство не древнѣе современнаго государства и вся древность, равно какъ и первая половина среднихъ вѣковъ (приблизительно до начала текущаго тысячелѣтія), относится къ первому періоду въ исторіи экономическаго развитія,—періоду „замкнутаго домашняго хозяйства“, „чистаго производства на себя“, „хозяйства безъ обмѣна“, гдѣ „продукты потребляются въ томъ же хозяйствѣ, которое ихъ производитъ“, такъ-что „весь хозяйственный оборотъ, отъ производства до потребленія, совершается въ замкнутомъ кругу дома (семьи, рода)“. Далѣе зачатковъ высшей формы и мѣновыхъ сдѣлокъ, какъ единичныхъ явленій и лишь въ предѣлахъ одного города, древность, по мнѣнію Бюхера, не пошла, такъ-что о народномъ хозяйствѣ, о постоянной торговлѣ и торговомъ классѣ, объ экономическомъ расчлененіи общества не можетъ быть и рѣчи. Противъ этой теоріи и выступилъ Э. Мейеръ въ своемъ докладѣ, читанномъ на съѣздѣ нѣмецкихъ историковъ въ 1895 г., „Объ экономическомъ развитіи древняго міра“¹⁾. Рядомъ фактовъ онъ опровергаетъ положеніе Родбертуса и его послѣдователей и показываетъ, что уже въ древности существовали высшія формы экономическихъ отношеній, что уже тогда промышленность, торговля, деньги, капиталъ играли чрезвычайно важную роль, существовалъ классъ промышленниковъ и купцовъ, были даже и товарищескія предпріятія, торговые общества и т. д.

Съ этимъ тѣсно связанъ вопросъ о рабствѣ, о числѣ рабовъ и роли рабскаго труда въ древности. Въ лекціяхъ, посвященныхъ этому вопросу²⁾, Э. Мейеръ приходитъ къ выводу, что въ древности число рабовъ не было особенно велико, что рабство въ экономическомъ отношеніи играло лишь весьма подчиненную роль, не представляло господствующаго фактора экономической жизни античнаго міра и что, кромѣ рабовъ, существовалъ многочисленный классъ свободныхъ рабочихъ. По Э. Мейеру, свободный трудъ—не преемникъ рабства, а, напротивъ, „возникаетъ въ тотъ самый моментъ, когда и рабство начинаетъ выступать въ качествѣ экономически значительнаго фактора: оба они одного возраста и представляютъ лишь двѣ различныя конкурирующія между собою фор-

же принадлежит Die Wirtschaft der Naturvölker. Dresd., и Arbeit und Rythmus. 2-te Aufl. Leipz. 1899.

¹⁾ Die wirtschaftliche Entwicklung des Alterthums. Jena, 1895, имѣющ., какъ было упомянуто уже, и въ русск. пер. (1898).

²⁾ Die Sklaverei im Alterth. 1898; см. русск. перев. Ср. итальянск. соч. Ciccotti, Il tramento della schiavitù nel mondo antico. 1897.

мы, въ которыхъ пытаются найти удовлетвореніе одна и та-же экономическая потребность,— формы, въ которыхъ выражается одинъ и тотъ-же экономическій переворотъ. Капиталь нуждается въ дешевыхъ и подвижныхъ, освобожденныхъ отъ естественно выросшихъ отношеній патриархальнаго средневѣковаго общества рабочихъ силахъ, которыя старается использовать въ возможно полномъ объемѣ; а правовая форма, въ которой онѣ ему предлагаются, стоитъ экономически на второмъ планѣ¹⁾. Э. Мейеръ и тутъ усматриваетъ нѣкоторую аналогію между развитіемъ древности и новаго времени. Эпохой развитія рабства, по его словамъ, была эпоха расцвѣта демократіи, и рабство этого періода вызвано тѣми-же причинами, что и свободный трудъ новаго времени: онѣ стоятъ на одной линіи.

Вообще, по Э. Мейеру, „въ древности преобладали, хотя на гораздо меньшемъ пространствѣ и въ иныхъ формахъ, тѣ-же вліянія и противоположности, которыя управляютъ и современнымъ развитіемъ“²⁾.

Воззрѣнія эти, хотя и въ иной, болѣе краткой формѣ, высказываетъ Э. Мейеръ и въ своей „Geschichte des Alterthums“.

Уже изъ предыдущаго видно, что Мейеръ обращаетъ большое вниманіе на социально-экономическіе вопросы³⁾. Ему, наравнѣ съ Белохомъ и Пельманомъ, мы болѣе всего обязаны выясненіемъ этой стороны въ исторіи Греціи. Въ своей „Geschichte des Alterthums“ онъ отводитъ надлежащее мѣсто социально-экономическимъ факторамъ, но безъ крайностей и односторонности. Онъ далекъ отъ „экономическаго матеріализма“, отъ того, чтобы все объяснять экономическими мотивами, и съ такимъ же вниманіемъ и глубиной изучаетъ политическую, религіозную и вообще культурную жизнь грековъ, какъ и ихъ общественную и хозяйственную. Очерки религіозныхъ воззрѣній грековъ, наряду съ очерками хозяйственнаго быта, принадлежатъ къ лучшимъ мѣстамъ въ трудѣ

¹⁾ Die Sklaverei im Alterthum, стр. 38 сл.; русск. пер., стр. 45 сл.

²⁾ Возраженія противъ Мейера—въ рец. Hartmann'a въ Zeitschr. f. Socialwiss. und Wirtschaftsgesch., 1896. IV. О взглядахъ Мейера и Бюхера см. ст. М. М. Хвостова, Изуч. экономич. быта древности (Ж. М. Н. Пр., 1900, июнь). Ср. И. М. Гревсъ, Оч. изъ исторіи римск. землевлад. I. Спб. 1899.

³⁾ Э. Мейеру принадлежитъ ст. о финансахъ въ Греціи въ Handwörterbuch d. Staatswiss. II Suppl.-b. 1897 (имѣется и въ русск. пер.—въ „Очеркахъ изъ экономич. и социальн. исторіи древн. міра и средн. вѣк.“. Пер. подъ ред. В. Э. Дена. Спб. 1897).

Мейера. Политическая исторія излагается тоже подробно. Словомъ, не забыта ни одна сторона; каждой удѣлено подобающее мѣсто, и явленія въ различныхъ сферахъ приводятся въ тѣсную, органическую связь между собою, взаимно обуславливаютъ другъ друга, а не представляются изолированными или лишь механически сопоставленными.

Э. Мейеръ своимъ трудомъ показалъ, какъ на практикѣ примирятся старое направленіе школы Ранке и то новое, представителемъ котораго является Лампрехтъ ¹⁾. Онъ придаетъ большое значеніе матеріальнымъ и инымъ общимъ условіямъ и интересамъ. Но, говоритъ онъ (III, 440), какъ-бы сильно ни дѣйствовали хозяйственные факторы, политическіе интересы, общее настроеніе, — рѣшающее значеніе повсюду имѣли руководящіе государственные дѣятели, которые реформировали государственный строй и опредѣляли политическое направленіе государства. Правда, преданіе почти только въ однихъ Аѣинахъ даетъ возможность представить себѣ ихъ индивидуальность и дѣятельность, но крайней мѣрѣ въ самые рѣшающіе моменты; однако не подлежитъ никакому сомнѣнію, что пути и такимъ государствамъ, какъ Коринѣ, Аргосъ, Спарта, города Іоніи и Запада, указаны были руководящими личностями, хотя часто онѣ совершенно забыты. Какое значеніе придаетъ Э. Мейеръ личности въ исторіи, видно изъ его отношенія къThemistokles, котораго онъ считаетъ истиннымъ основателемъ аѣинской демократіи и величайшимъ человѣкомъ, какого когда-либо видѣли Аѣины. Но само собою понятно, онъ не считалъ личность всемогущею. По поводу Эпаминонда онъ замѣчаетъ, что какъ разъ въ ту эпоху, которая выше всего пѣнила личность и въ ней одной признавала настоящую движущую силу, въ судьбѣ Эпаминонда для глубже смотрящихъ только яснѣе выступила зависимость личности отъ историческихъ условій ея дѣятельности (V, 475).

„Geschichte des Alterthums“ Мейера, равно какъ и тѣсно связанная съ нею его „Forschungen zur alten Geschichte“, интересны и въ методологическомъ отношеніи. У Мейера мы находимъ тщательный, мастерской анализъ историческихъ конструкций и свидѣтельствъ традиціи; въ примѣръ можно привести разборъ извѣстій о Ликургѣ и о Пеласгахъ (въ I т. „Forschungen“). Въ его трудахъ разсѣяно множество трезвыхъ, мѣткихъ замѣчаній; укажу

¹⁾ Ср. A. Bauer, Die Forschungen, стр. 383.

напр. на его сличеніе сообщеній Аристотеля и Фукидида объ олигархическомъ переворотѣ 411 г. и на замѣчаніе о томъ, можно ли безусловно полагаться на показанія официальныхъ актовъ и, основываясь на нихъ, отвергать, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, свидѣтельство надежнаго историка (во II т. „Forschungen“). Замѣчательны также характеристики и оцѣнка историковъ у Мейера, въ особенности Фукидида. Критика Мейера вообще осторожнѣе, умѣреннѣе и въ то же время глубже критики Белоха. Его скептицизмъ не простирается такъ далеко. Напр. относительно вторженія дорянъ въ Пелопоннесъ и Мейеръ считаетъ традиционную исторію не имѣющей никакой цѣны; но завоеваніе, по его мнѣнію, есть фактъ, одинъ изъ несомнѣнно установленныхъ въ древнѣйшей греческой исторіи, хотя о самомъ ходѣ его мы ничего не знаемъ. Мейеръ вѣритъ разсказу о судьбѣ, постигшей въ Спартѣ и въ Афинахъ персидскихъ пословъ, явившихся требовать „земли и воды“; при описаніи Марафонскаго сраженія онъ, за нѣкоторыми исключеніями, близко держится Геродотовой традиціи. Онъ не отвергаетъ разсказа о хитростиThemistocles при постройкѣ афинскихъ стѣнъ; признаетъ, что въ 448 г. заключенъ былъ миръ между Афинами и Персіей и т. д. Немало у Мейера оригинальныхъ взглядовъ на лица и событія. Напр., побѣдѣ надъ персами, событіямъ 480 г. и 479 г., Греція, по его мнѣнію, обязана тѣмъ, что въ ней не развилось господство жречества и теологіи (III, 448). Онъ думаетъ, что уже Themistocles стоялъ во главѣ государства, какъ впоследствии Периклъ. Последняго онъ готовъ сравнить съ какимъ-либо великимъ англійскимъ парламентскимъ дѣятелемъ (IV, 5), что напоминаетъ намъ отзывъ Белоха; но Мейеръ болѣе высокаго мнѣнія о Периклѣ и судить о немъ справедливѣе, чѣмъ Белохъ. Мейеръ показалъ, что новыя идеи, проникавшія въ афинское общество второй половины V в., идеи „просвѣщенія“, находили себѣ сочувствіе преимущественно въ аристократіи, а демосъ въ сущности былъ ихъ противникомъ и проч.

Необходимо отмѣтить еще одну черту Мейера: широта взгляда у него соединяется съ рѣдкою основательностью знанія; наряду съ широкими построеніями онъ обнаруживаетъ интересъ къ самымъ кропотливымъ, детальнымъ изслѣдованіямъ, казалось бы, самыхъ мелкихъ вопросовъ, напр. въ области хронологіи. Онъ пользуется и филологіей и полагаетъ, что если дѣло идетъ о реконструкціи и правильной интерпретаціи какого-либо документа,

то Sprachphilologie болѣе надежная руководительница, нежели Sachphilologie.

Такимъ детальнымъ изслѣдованіемъ по болѣе специальнымъ вопросамъ Мейеръ отводитъ мѣсто преимущественно въ своихъ „Forschungen zur alten Geschichte“ (1892—9, 2 т.). Эти „Forschungen“ служатъ какъ-бы дополненіемъ или приложеніемъ къ его „Geschichte des Alterthums“: въ нихъ вошли экскурсы и изслѣдованія по такимъ вопросамъ, на которыхъ Мейеръ считалъ неудобнымъ подробно останавливаться въ своей „Исторіи“, не желая уклоняться въ сторону, прерывать нить изложенія или нарушать пропорціональность и историческую перспективу.

„Geschichte des Alterthums“ Э. Мейера принадлежитъ къ тѣмъ трудамъ, которые не только подводятъ итогъ предъидущимъ изслѣдованіямъ, но и пролагаютъ новые пути. Это—новѣйшій, лучший трудъ по исторіи Греціи, вполне удовлетворяющій требованіямъ современной науки. Я бы сказалъ, что мы въ немъ имѣемъ „последнее слово науки“, если бы это выраженіе не было такимъ тривиальнымъ. Написанъ онъ простымъ, яснымъ языкомъ, но нѣсколько сухо и вообще въ художественномъ отношеніи, какъ „Kunstwerk“, онъ уступаетъ напр. произведенію Курціуса.

Третій крупный представитель новѣйшаго направленія въ Пельманъ. обработкѣ греческой исторіи, самый ревностный поборникъ изслѣдованія ея соціально-экономической стороны—Röhlmann, прежде профессоръ въ Эрлангенѣ, теперь—въ Мюнхенѣ.

Въ 1884 г. Пельманъ выпустилъ въ свѣтъ монографію, нѣсколько соприкасающуюся по темѣ съ одной изъ монографій Белоха,—Die Uebervölkerung der antiken Groszstädte mit der Gesamtentwicklung städtischer Civilisation; а затѣмъ для коллекціи Iw. Müller'a далъ очеркъ греческой исторіи (Grundzüge der politischen Geschichte Griechenlands. 1-е изд.—1888)¹⁾. Въ 1-мъ изданіи этого очерка онъ ставилъ себѣ цѣлью представить обзоръ исключительно внѣшней, политической исторіи Греціи. Это—обзоръ чрезвычайно сжатый, краткій и сухой, но систематическій и дѣльный, строго-фактическій и объективный, съ очень обстоятельными литературными указаніями. Онъ могъ бы служить хорошимъ конспектомъ внѣшней исторіи грековъ. Въ 1896 г. „Очеркъ“ Пельмана, подобно трудамъ Бузольта и Гильберта, вышелъ въ совершенно передѣланномъ видѣ. Сохраняя за нимъ по-

¹⁾ Русск. пер.—Н. Н. Шамонова. М. 1890.

прежнему назначеніе — дать критическій обзоръ важнѣйшихъ событій, который бы помогаль ориентироваться и служилъ путеводною нитью среди лабиринта фактовъ и мнѣній, давая вмѣстѣ съ тѣмъ необходимыя литературныя указанія, Пельманъ значительно распространилъ свой очеркъ, который въ новомъ изданіи утратилъ свою прежнюю сухость и конспективность; онъ довелъ изложеніе до временъ Римской имперіи (точнѣе—до Веспасіана), прибавилъ обстоятельныя обзоры источниковъ въ началѣ каждой главы и наряду съ политической стороною выдвинулъ социальную, удѣливъ большое вниманіе борьбѣ общественныхъ классовъ въ древней Греціи. Сообразно съ этимъ и самое заглавіе было нѣсколько измѣнено: *Grundriss d. griechischen Geschichte nebst Quellenkunde*, — такъ называется очеркъ Пельмана во 2-мъ изданіи. Въ этомъ новомъ видѣ онъ можетъ служить однимъ изъ лучшихъ новѣйшихъ пособій по греческой исторіи, особенно для начинающихъ заниматься ею.

Но Пельманъ преимущественно занимается исторіей социального вопроса въ древности. Ему принадлежитъ „Исторія античнаго коммунизма и социализма“¹⁾ и цѣлая серія статей на сродныя темы, большая часть которыхъ собрана въ отдѣльной книгѣ подъ заглавіемъ: *Aus Altertum und Gegenwart* (München. 1895). Пельманъ требуетъ отъ историческаго труда, имѣющаго своимъ предметомъ развитіе античныхъ республикъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ тѣмъ содержалъ исторію общества и социального движенія. Съ его точки зрѣнія главная задача даже политической исторіографіи указать, въ какомъ отношеніи находится государство къ общественнымъ элементамъ и эти послѣдніе къ государству. Въ особенности необходимо, по мнѣнію Пельмана, различать „общество“ и „государство“ въ греческой исторіи, потому что нигдѣ антагонизмъ между ними не проявляется такъ рѣзко, нигдѣ индивидуалистическія тенденціи отдѣльныхъ общественныхъ слоевъ не выражаются такъ ясно, нигдѣ могущество общества въ государствѣ и надъ государствомъ не обнаруживается такъ рѣшительно, какъ въ древнихъ республикахъ, не исключая и демократическихъ, въ которыхъ въ идеѣ существовалъ суверенитетъ народа, а на дѣлѣ—суверенитетъ общества, т. е. господствующихъ

¹⁾ *Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus*. München. 1893—1901. 2 Bde. На эту тему есть еще соч. Adler'a, *Gesch. d. Socialism. und Kommunismus*, 1-я часть которой касается древности; но это слабая работа.

общественныхъ классовъ: эти классы заставляли государственныя учрежденія служить ихъ выгодамъ, ихъ интересамъ; даже радикальная демократія въ Афинахъ IV в. не могла сломить господства капитализма и смягчить экономическіе контрасты.

Основная идея Пельмана та, что тѣ великіе жизненные вопросы, предъ которыми стоитъ современное общество, волновали уже древнихъ. Пельманъ указываетъ на существованіе уже въ Греціи капитализма и его спутниковъ—науперизма, пролетариата, борьбы имущественныхъ классовъ, социальнаго вопроса, и сближаетъ эти явленія съ соотвѣствующими современными явленіями. Вездѣ онъ проводитъ аналогію между древностью и нашимъ временемъ¹⁾. Онъ доказываетъ, что социально-экономическій элементъ былъ могущественнымъ факторомъ и въ исторіи Греціи, что имъ въ значительной мѣрѣ обуславливался ходъ этой исторіи, борьба партій, перевороты, самое паденіе греческой независимости и торжество Македоніи. Въ нашихъ литературныхъ источникахъ, у древнихъ авторовъ, оказался богатый и почти непочатый матеріалъ, освѣщающій общественныя и экономическія отношенія и возрѣнія грековъ. Этимъ матеріаломъ прежде всего воспользовался Пельманъ. Онъ, между прочимъ, отмѣтилъ и вполне оцѣнилъ значеніе возрѣній Платона и Аристотеля, раскрывающихъ язвы тогдашняго политическаго и общественнаго строя, и выяснилъ связь этихъ возрѣній съ современною имъ дѣйствительностью.

Вообще въ теченіе послѣдняго десятилѣтія обнаруживается особый интересъ къ изученію экономической и социальной исторіи Греціи. Такъ, французскій ученый P. Guiraud, ученикъ Фюстель де Куланжа, написалъ обширный трудъ о поземельной собственности²⁾, а недавно — монографію о промышленности въ древней Греціи³⁾. На послѣднюю тему имѣется еще болѣе обстоятельный трудъ извѣстнаго бельгійскаго ученаго Francotte⁴⁾,

*Изученіе
экономиче-
ской и со-
циальной
исторіи
Греціи.*

¹⁾ Замѣтимъ, что Пельманъ, подобно Э. Мейеру, тоже употребляетъ названіе „средніе вѣка“ въ примѣненіи къ Греціи.

²⁾ La propriété foncière en Grèce. P. 1893.

³⁾ La main-d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce. P. 1900 (Bibliothèque de la faculté des lettres). Ср. его-же ст. L'évolution du trav. dans la Grèce anc. (Rev. des Deux Mondes, 1902, livr. 3). Изъ болѣе раннихъ работъ въ этой области можно назвать „Die gewerbliche Thätigkeit der Völker des Klass. Alterthums“ Блюмнера. Leipz. 1869.

⁴⁾ L'industrie dans la Grèce ancienne. Bruxelles. 1900—1. 2 v. Изъ предшествовавшихъ работъ Франкотта отмѣтимъ L'organisation de la cité athén. et la réforme de Clisthènes. Paris et Brux. 1893, а новѣйшій его трудъ—Forma-

вышедшій почти одновременно съ книгой Гиро. О рабочемъ классѣ и о рабахъ въ древности, кромѣ упомянутыхъ раньше лекцій Мейера, есть книга Ciccotti (на итальянск. яз.)¹⁾ и немало статей²⁾. Есть труды по исторіи вообще экономической жизни въ древнемъ мірѣ³⁾. Cunningham далъ обзоръ западной цивилизации съ экономической точки зрѣнія⁴⁾. Рядъ статей и брошюръ касается социальнаго вопроса въ древней Элладѣ⁵⁾. Кауэръ въ своей книжкѣ „*Parteien und Politiker in Megara und Athen*“ (Stuttg. 1890) отмѣчаетъ преимущественно социально-экономическія причины борьбы партій въ Греціи въ эпоху тиранніи и т. д. Русскіе ученые тоже начинаютъ обнаруживать интересъ къ экономической исторіи древнегреческаго міра; укажу напр. на статьи М. И. Ростовцева⁶⁾ и М. М. Хвостова⁷⁾.

tion des villes, des états, des confédérations et des ligues dans la Grèce ancienne (отт. изъ Bull. de l'Acad. de Belg.). 1901.

¹⁾ Il tramento della schiavitù nel mondo antico. Tur. 1897.

²⁾ Напр. ст. Cauver'a въ N. Jahrb. f. d. klass. Altert., 1899; ст. Waszyński, Ueber die rechtliche Stellung der Staatssclaven in Athen (Hermes. XXXIV. 1899).

³⁾ Pestalozza, La vita economica ateniese della fine del secolo VII alla fine del IV sec. av. Cr. Milano. 1901; Platon, La démocratie et le régime fiscal à Athènes, à Rome et de nos jours; C. Wachsmuth, Wirtschaftliche Zustände in Aegypten während d. griech.-röm. Periode (Jahrb. f. Nationalök. und Stat. 3 Folge, XIX).

⁴⁾ An essay on western civilization in its econom. aspects (Anc. times). Cambr. 1898. Русск. пер. Кеннингемъ, Зап. цивил. съ экомом. точки зр. Древн. міръ. 1902.

⁵⁾ См., напр., брошюру Ludw. Stein'a о возникновеніи социальнаго вопроса у грековъ (Das erste Auftauchen der socialen Frage bei den Griechen Bern-Leipz., 1896), рѣчь Wetzel'я о значеніи классической древности для разрѣшенія социальныхъ задачъ нашего времени (Die Bedeutung des klassischen Alterthums für die Lösung der socialen Aufgaben der Gegenwart. Paderborn. 1895); статью Dietzel'я по исторіи социализма и коммунизма въ древности (Beiträge zur Geschichte des Social. und Kommunismus въ Zeitschrift für Litter. und Geschichte d. Staatswiss., I, 1903); Adler, Die Socialreform in Altertum. Jena, 1897 (изъ Handwörterbuch d. Staatswissenschaften) (въ русск. пер.—Соц.-реформат. движеніе въ древн., въ „Очерк. изъ экомом. и соц. исторіи...“); Hordermann, Xenophons Wirtschaftslehre unter dem Gesichtspunkte sozial. Tagesfragen betrachtet (Progr.). Werniger. 1899.

⁶⁾ „Капитализмъ и народн. хозяйство въ древн. мірѣ“ („Русск. Мысль“, 1900, мартъ).

⁷⁾ „Сисахтія Солона и разложеніе эвпатридскаго землевладѣнія“ („Фил. Обзор“, XIII. 1897). „Изуч. экономическ. быта древн.“ (Ж. М. Н. Пр., 1900, іюнь), „Хозяйствен. переворотъ въ древн. Спартѣ“ (Зап. Каз. Ун., 1901, ноябрь).

Исследователям хозяйственной и социальной жизни древности пришлось так или иначе коснуться спора Мейера и Бюхера, высказаться по вопросу о хозяйственных формах античного мира. Одни ближе держатся точки зрения Бюхера, другие—и таких теперь большинство—становятся на сторону Э. Мейера. Вновь открываемый обильный материал, в виде папирусов и ostraka, дает новые данные для решения вопроса и подтверждает скорее мнение Э. Мейера ¹⁾.

Совершенно в стороне от этого направления стоит только-что законченная печатанием Griechische Kulturgeschichte Буркгардта. Это—лекции, много раз читанные Буркгардтом в 70-х и первой половине 80-х годов и изданные после его смерти Оери в течение 1898—1902, в 4 томах ²⁾. I т. состоит, кроме общего введения, из небольшого отдела о греческом мифе и гораздо более крупного—о государстве и нации, где говорится о Polis'е, развитии государственных форм и национальном единстве у греков. Далее, во II т., говорится о религии и культе, об узнавании будущего и (употребляя выражение самого Буркгардта), подводится „общий баланс греческой жизни“, причем речь идет главным образом об этике греков и их пессимизме. Следующие отделы, составляющие содержание III т., посвящены искусству, поэзии и музыке, философии, наукам и красноречию, а последний том весь состоит из одного обширного отдела, представляющего характеристику грека в разные эпохи его исторического существования („Der hellenische Mensch in seiner zeitlichen Entwicklung“).

Появление подобной „Культурной истории Греции“, вышедшей из-под пера Буркгардта, должно было вызвать особый интерес. Буркгардт (1818—1897), долгое время бывший профессором в Базеле,—едва-ли не главный представитель культурного направления в историографии второй половины XIX в. ³⁾, автор

В настоящее время М. М. Хвостов занял хозяйственной историей греко-римского Египта.—Не упоминаю о книге И. М. Гревса, так как она касается не Греции, а Рима.

¹⁾ Wilcken, Griech. Ostraka; М. И. Ростовцев, Нов. данные по ист. фиванск. управл. греко-римск. Ег. (Ж. М. Н. Пр., 1900, март); Mitteis, Aus den griech. Papyrusurkunden. Leipz. 1900.

²⁾ Berlin-Stuttgart (без обозначения года).

³⁾ О нем—Trog, Jacob Burckhardt. Basel. 1898; ст. Gotthein'a в Preuss. Jahrb., XC, 1897; Neumann'a—в Deutsche Rundschau, 1898, März; Gelzer'a—в Zeitschr. f. Kulturgesch., VII, 1/2.

такихъ произведеній, какъ монографія о времени Константина Великаго, „Cicerone“ и въ особенности замѣчательные очерки по „Культурѣ Ренессанса въ Италіи“, въ которыхъ онъ путемъ скорѣе дивинаціи устанавливаетъ ту точку зрѣнія на сущность гуманизма, какую потомъ развилъ и обосновалъ нашъ соотечественникъ проф. М. С. Корелинъ (въ своемъ „Раннемъ итальянскомъ гуманизмѣ и его исторіографіи“).

Свой взглядъ на значеніе культурной исторіи Буркгардтъ высказываетъ и во введеніи къ *Griechische Kulturgeschichte*. Касаясь отличія своего курса отъ курса обычныхъ „греческихъ древностей“, онъ говоритъ, что рассказъ о событіяхъ и критическое изслѣдованіе отняло бы слишкомъ много времени. Притомъ „событія“ легко изучить и по книгамъ. Онъ же желаетъ установить точки зрѣнія на событія; его задача—дать исторію греческаго міровоззрѣнія, стремиться къ познанію тѣхъ живыхъ силъ, создающихъ и разрушающихъ, которыя дѣйствовали въ греческой исторіи. Онъ имѣетъ въ виду преимущественно исторію греческаго духа. Единичное, отдѣльное должно быть приводимо лишь въ свидѣтельство объ общемъ, а не ради самого себя. Говоря о преимуществахъ культурно-исторической точки зрѣнія, Буркгардтъ указываетъ прежде всего на большую достовѣрность важнѣйшихъ культурно-историческихъ фактовъ по сравненію съ историческими въ обычномъ значеніи,—съ „событіями“, которыя составляютъ предметъ рассказа, ибо культурная исторія существуетъ тѣмъ, что сообщаютъ источники непредназначенно, безкорыстно, невольно и бессознательно, и даже вымыслы для нея важны. Она имѣетъ въ виду постоянное, типичное; это постоянное величественнѣе и важнѣе моментальнаго, важнѣе отдѣльнаго дѣянія: мы познаемъ „вѣчнаго“ грека, типъ его, вмѣсто отдѣльнаго, единичнаго фактора. Индивидуумы, „великіе люди“, являются здѣсь лишь какъ иллюстрація. Дальнѣйшее преимущество культурной исторіи Буркгардтъ видитъ въ томъ, что она группируетъ и выдвигаетъ факты по ихъ пропорціональной важности и не топчетъ ногами всякое чувство пропорціональности: она выдвигаетъ тѣ факты, которые способны войти во внутреннюю связь съ нашимъ духомъ, возбудить дѣйствительное участіе въ насъ, въ слѣдствіе ли своего сродства или контраста. Впрочемъ, Буркгардтъ не скрываетъ и многихъ трудностей культурно-исторической обработки.

Цѣль Буркгардта, какъ онъ самъ говоритъ, побудить другихъ къ наблюденію надъ культурно-историческими фактами, при-

техъ онъ имѣетъ въ виду и не филологовъ, а всякаго гуманистически образованнаго человѣка. Онъ желаетъ ввести не въ спеціальныя изслѣдованія въ обычномъ смыслѣ слова, а вызвать интересъ къ цѣлому, къ пониманію греческаго міра вообще. Объ учености заботится нынѣшняя историко-антикварная литература, говоритъ Буркгардтъ; онъ же стремится поддержать интересъ къ древнему греческому міру.

Но не смотря на это, не смотря на признаніе оригинальности и гениальности греческаго народа и его заслугъ въ дѣлѣ культуры, Буркгардтъ далекъ отъ прославленія грековъ, отъ какаго-либо преклоненія предъ ними; въ сущности въ своихъ воззрѣніяхъ на нихъ онъ является скорѣе пессимистомъ. Въ числѣ основныхъ положеній его мы встрѣчаемъ и слова Бека, что „греки были несчастнѣе, нежели большинство думаетъ“; Олимпію и Дельфы онъ называетъ „музеями національной ненависти“, выставляетъ на видъ политическую рознь грековъ, ихъ нравственные недостатки, особенно лживость, и проч.

Griechische Kulturgeschichte Буркгардта вызвала противоположные отзывы. Одни встрѣтили ее съ большими похвалами ¹⁾, другіе—и въ томъ числѣ такіе ученые, какъ Э. Мейеръ и Виламовицъ,—съ неодобреніемъ, чуть не съ негодованіемъ ²⁾. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, она не оправдала тѣхъ ожиданій, которыя вызывало имя Буркгардта. Задумана она, конечно, прекрасно; многія замѣчанія и наблюденія и оригинальны, и мѣтки, хотя бы напр. о пессимизмѣ грековъ; такіе отдѣлы, какъ подведеніе „общаго баланса греческой жизни“, какъ характеристика грека въ разныя эпохи его историческаго существованія, дающая вмѣстѣ съ тѣмъ характеристику нравовъ и быта и даже обзоръ всей греческой жизни, начиная съ героической эпохи и кончая временемъ діадховъ,—такіе отдѣлы должны представлять большой интересъ. И тѣмъ не менѣе все это иногда тонетъ въ массѣ болѣе или менѣе общеизвѣстнаго. Отдѣлъ напр. о греческомъ „Polis“ представляетъ несомнѣнный интересъ для историка и по темѣ нѣсколько совпадаетъ съ *La cité antique* Фюстель де Куланжа; но вмѣстѣ съ тѣмъ какая разница! какъ онъ блѣденъ по сравне-

¹⁾ См. напр. большую хвалебную ст. Neumann'a въ *Histor. Zeitschr.*, N. F., 49 B. 1900.

²⁾ Мейеръ напр. говоритъ, что „изслѣдователь съ негодованіемъ отброситъ въ сторону подобные труды“ (III, 291).

нію съ этимъ послѣднимъ произведеніемъ! А главное, Буркгардтъ сознательно, съ умысломъ, игнорируетъ новѣйшую литературу, и понятно, это не могло не отразиться невыгодно на его трудѣ. Наконецъ, лекціи Буркгардта изданы почти въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ остались въ его бумагахъ, безъ существенной переработки или добавленій со стороны редактора; а составлены онѣ, какъ мы видѣли, въ 70-хъ и въ первой половинѣ 80-хъ годовъ. Поэтому во многомъ онѣ оказываются ужъ устарѣлыми; напр. не привлечены даже такіа данныя, какъ сообщенія „Аѳинской Политіи“ Аристотеля. Редакторъ заявляетъ, что онъ преднамѣренно не воспользовался ими, полагая, что читателю доставитъ удовольствіе самому это сдѣлать и сообразно съ этимъ углубить или видоизмѣнить находящіися въ издаваемомъ трудѣ воззрѣнія! ¹⁾

Виламовицъ.

Говоря о разработкѣ греческой исторіи въ наше время, нельзя не остановиться на выдающемся современномъ нѣмецкомъ филологѣ-классикѣ Виламовицѣ-Меллендорффѣ (род. въ 1848 г.), бывшемъ профессорѣ въ Грейфсвальдѣ, затѣмъ въ Геттингенѣ, а теперь—преемникъ Э. Курціуса въ Берлинѣ. Это—одинъ изъ самыхъ талантливыхъ, оригинальныхъ и плодотворныхъ ученыхъ, замѣчательный, глубокой знатокъ греческой древности и литературы, оказавшій сильное вліяніе на ихъ изученіе. Въ Виламовицѣ прежде всего поражаетъ разносторонность его свѣдѣній въ области греческой филологіи въ обширномъ смыслѣ этого слова и разнообразіе темъ его работъ, начиная съ изданій и критики текста и кончая поэтическими переводами греческихъ трагиковъ и задачами чисто-историческими. Не касаясь его многочисленныхъ ста-

¹⁾ По культурной исторіи Греціи имѣются еще: Holm, Deescke und Soltau, Kulturgesch. d. klassisch. Alterthums. 1897 (переработка соответствующаго отдѣла труда Гелльвальда); Guhl und Koner, Leben d. Griechen und Römer (нѣсколько изд.; послѣднее 6-е, —1893, въ обраб. Engelmann'a); Blümner, Leben und Sitten d. Griechen. 1887. 3 Bdchen; Forbiger und Winckler, Hellas und Rom. Populäre Darstellungen d. öffentlich. und häuslich. Lebens. Griechenland im Zeitalter d. Perikles. 1876—82. 3 Bde; Falke, Hellas und Rom. Eine Kulturgesch. d. class. Alterthums. Stuttg. 1878 (рус. пер.—Спб. 1880—1). W. A. Becker, Charikles. Bilder altgriech. Sitte... (1840; съ тѣхъ поръ нѣсколько изд.; есть русск. пер. 1876 г.); Вернеръ, Эллада (пер. съ нѣм.; нѣск. изд.; 4-е русск. изд., испр. и дополн., подъ ред. В. И. Модестова. Спб. 1899); Ф. Ф. Велишскій, Бытъ грековъ и римлянъ. Пер. съ чешск. Прага 1878, и проч. О книгахъ Mahaffy и Guiraud (La vie privée et la vie publ. des Grecs) уже было упомянуто. Сюда можно отнести и руководства по частнымъ греческимъ древностямъ.

тей и небольших изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи, древностей и литературы, я здѣсь назову болѣе крупныя его труды, важныя въ томъ или другомъ отношеніи для историка. Таково его изданіе „Геракла“ Еврипида (въ 2 т.), въ которомъ мы находимъ введеніе (гдѣ Виламовицъ между прочимъ касается Пеласговъ, переселеній и вторженія дорянъ), греческій текстъ и переводъ, а во 2-мъ томѣ—обширный комментарий; такова его рѣчь „Von des attischen Reiches herrlichkeit“ (1880), вмѣстѣ съ экскурсами и приложениями занимающая почти весь первый выпускъ¹⁾ издававшихся Kiessling'омъ и Виламовицемъ „Philologische Untersuchungen“, и затрогивающая многіе—и притомъ самыя разнообразныя—вопросы изъ исторіи Аѣинской державы V в.; его обширная монографія объ Антигонѣ изъ Кариста и „Гомерическія изслѣдованія“ (въ тѣхъ-же Philol. Untersuchungen); его статьи: „Die Thukydideslegende“ (Hermes, XII).

Но самымъ крупнымъ трудомъ Виламовица, ближе всего касающимся греческой исторіи, является, конечно, его монографія „Aristoteles und Athen“ (1893), въ 2 томахъ, о которой мнѣ уже приходилось говорить (см. стр. 168—9). Посвящена она главнымъ образомъ трактату Аристотеля объ аѣинскомъ государственномъ строѣ, но содержаніе ея чрезвычайно богато и разнообразно. I томъ представляетъ рядъ „анализовъ“ Аристотелева трактата, преимущественно съ цѣлью опредѣлить его цѣнность и, слѣдовательно, его источники. Свое изслѣдованіе тутъ Виламовицъ распредѣляетъ по тѣмъ писателямъ, которыми пользовался Аристотель. Но этому онъ предпосылаетъ главу о хронологіи у Аристотеля, такъ какъ хронологія служить связью для всей исторической части трактата; затѣмъ уже идутъ главы, посвященныя преимущественно анализу различныхъ отдѣловъ „Политіи“, соответственно ея источникамъ. къ этому присоединены еще двѣ главы—о судьбѣ и вліяніи трактата въ послѣдующее время и о его цѣли и значеніи въ связи съ жизнью и философскою дѣятельностью Аристотеля. Последняя глава I т. заканчивается опредѣленіемъ современныхъ задачъ греческой исторіи. II-й томъ состоитъ изъ изслѣдованій въ области аѣинской исторіи на основаніи Аристотелевой „Политіи“ и изъ цѣлой серіи „Приложеній“, изъ которыхъ только немногія имѣютъ

¹⁾ Онъ носитъ нѣсколько странное названіе „Aus Kydathen“. Безъ приложеній и примѣчаній рѣчь перепечатана въ „Reden und Vorträge“ Виламовица (Berl. 1901).

хотя нѣкоторое отношеніе къ трактату Аристотеля. Вообще въ монографіи этой затрогивается множество вопросовъ изъ области греческихъ древностей, исторіи и литературы. Можно согласиться съ тѣмъ, что „Aristoteles und Athen“ Виламовица—самое важное изслѣдованіе о трактатѣ Аристотеля и вообще въ области собственно аттической исторіи за послѣднія десятилѣтія ¹⁾.

Виламовицъ отличается удивительною начитанностью въ памятникахъ, знаніемъ и пониманіемъ самаго духа греческой древности. Онъ необыкновенно живо представляетъ себѣ эту древность. Онъ обладаетъ замѣчательнымъ даромъ комбинаціи, богатствомъ идей; въ его произведеніяхъ разсѣяно много интересныхъ, блестящихъ смѣлостью и оригинальностью мысли гипотезъ, замѣчаній и тонкихъ наблюдений.

Но въ то-же время на читателя непріятно дѣйствуетъ отсутствіе простоты, какая-то манерность и претенціозность изложенія, явное стремленіе къ оригинальности, тонъ оракула, намеки, часто неясные, на другихъ ученыхъ, мнѣнія которыхъ Виламовицъ не раздѣляетъ, и на явленія современной политической жизни. Кромѣ того, Виламовицъ игнорируетъ новѣйшую литературу и открыто сознается въ этомъ, какъ-бы гордясь и выставляя на показъ свое пренебрежительное отношеніе къ ней; а такое игнорированіе не всегда проходитъ безнаказанно: иногда это ведетъ къ тому, что Виламовицъ приписываетъ себѣ то, что принадлежитъ другимъ,—открытія и выводы, уже сдѣланные другими,—и такимъ образомъ, хотя и невольно, нарушаетъ правило *suum cuique* ²⁾.

Обращаетъ на себя вниманіе также отсутствіе системы и послѣдовательности въ изложеніи у Виламовица, и этотъ видимый беспорядокъ, несоотвѣтствіе заглавія статьи или главы съ ея содержаніемъ, вовсе не случайны и не результатъ спѣшности работы: здѣсь скрывается та-же манерность и стремленіе къ оригинальности. Этимъ отличается и его „Aristoteles und Athen“. Распредѣленіе матеріала и изложеніе страдаетъ здѣсь повтореніями и отсутствіемъ строгой связи, что до нѣкоторой степени сознаетъ и самъ авторъ ³⁾. Напр. о Драконовой конституціи говорится, по

¹⁾ Ср. Ad. Bauer, Die Forschungen..., стр. 292.

²⁾ Примѣры см. въ моей „Ае. Политія“, стр. 67, прим. 1.

³⁾ „Die Titel der Capitel“, говоритъ онъ, „lassen vielleicht keine überlegte Disposition des Stoffes erkennen; sie ist aber vorhanden, und wenn ich bitten darf, so lese man in der Reihenfolge, wie ich die einzelnen Untersuchungen angeordnet habe“ (I, 3).

крайней мѣрѣ, въ трехъ мѣстахъ: въ 3-й главѣ I т., посвященной Солону; въ 4-й, озаглавленной „*Drakons Verfassung*“ (которая не предшествуетъ, а слѣдуетъ за главой о Солонѣ), и во II т. на стр. 55 сл. Въ гл. 5 (I т.): „*Thukydides*“, анализъ начинается съ исторіи четырехсотъ, потомъ Виламовицъ переходитъ къ Писистратидамъ. Гл. 6-я (I т.) озаглавлена: „*Die Demagogen des fünften Jahrhunderts*“; на самомъ же дѣлѣ это есть изслѣдованіе преимущественно о томъ тенденціозномъ сочиненіи, которымъ пользовался Аристотель. Анализъ и тутъ идетъ съ конца—съ исторіи тридцати—и заканчивается Ѳемистокломъ и Аристидомъ, послѣ чего Виламовицъ, говоря объ олигархическомъ источникѣ Аристотеля, останавливается на Ѳераменѣ, какъ предполагаемомъ имъ авторѣ этого источника, и вообще на политической литературѣ грековъ. Во II т. одна изъ главъ носитъ заглавіе: „*3000 Hopliten von Acharnai*“, но о 3000 ахарнянъ говорится тутъ всего лишь на одной страницѣ, въ самомъ концѣ, а раньше, на нѣсколькихъ страницахъ, рѣчь идетъ по поводу сообщенія трактата о разныхъ категорияхъ гражданъ, получавшихъ содержаніе отъ государства.

Виламовицъ проникнутъ идеализмомъ; онъ полонъ воодушевленія; это — натура поэтическая. По его собственнымъ словамъ, еще въ юности избралъ онъ Motto: „хранить вѣрность музамъ“, и это стало обѣтомъ всей его жизни. Виламовицъ владѣетъ стихомъ и прекрасный переводчикъ; онъ глубоко симпатизируетъ Гомеру и Пиндару, великимъ трагикамъ и Платону, такимъ историкамъ, какъ Геродотъ. Къ болѣе трезвымъ реалистамъ, къ Фукидиду и Аристотелю, онъ не чувствуетъ такой симпатіи. Фукидида онъ называетъ „великимъ софистомъ“, Геродота—его „болѣе великимъ предшественникомъ“. Признавая, что античная культура есть нѣчто цѣльное и единое, Виламовицъ, въ противоположность Э. Мейеру и Пельману, энергично стоитъ за то, что изученіе древней исторіи есть дѣло филологовъ, а не историковъ; что отдѣлять здѣсь языкъ и литературу отъ исторіи отнюдь нельзя. Онъ глумится надъ извѣстнымъ краткимъ обзоромъ источниковъ, „*Abriss der Quellenkunde*“, Арн. Шефера и считаетъ его въ значительной мѣрѣ виною того, что студенты думаютъ, будто греческой исторіи мы можемъ научиться преимущественно изъ историковъ: по Виламовицу, главные источники древняго времени—поэты ¹⁾.

¹⁾ Отчасти въ связи съ этимъ находится излишнее изолированіе грековъ у Виламовица, который преувеличиваетъ ихъ независимость отъ культурнаго Востока.

Тѣмъ характернѣе, что Виламовицъ выступилъ съ требованіемъ создать наконецъ исторію государственнаго права Аѣинъ. Онъ считаетъ это главною задачею, стоящею на очереди и ждущею разрѣшенія.

Въ концѣ I т. своей монографіи „Aristoteles und Athen“ Виламовицъ говоритъ о „путяхъ и цѣляхъ греческой исторіи“ и приэтомъ указываетъ на ея отсталость по сравненію съ римскою: живо чувствуется потребность въ новомъ изложеніи греческой исторіи и греческихъ „древностей“. Обработки ихъ и появляются, полезныя и бесполезныя; но „Древности“ все еще въ сущности собраніе отдѣльныхъ подробностей и исторіи грозитъ опасность стать тѣмъ-же. Конечно, замѣчаетъ Виламовицъ, это необходимыя и полезныя вещи, но *πολυπραθὴν ῥόον οὐ διδάσκει*. Еще хуже, когда исторія сама себя разрушаетъ, и Виламовицъ указываетъ на примѣры новѣйшей гиперкритики, когда напр. у Перикла, съ точки зрѣнія лейтенанта (намекъ на Плугкъ-Гарттунга), отнимается слава полководца, Александра Вел. называютъ пьянымъ тиранномъ или животнымъ („eine bestie“) и въ Эсхинѣ видятъ спасителя Аѣинъ. „Это“, говоритъ онъ, „нетрудно; это можно даже при нѣкоторой ловкости представить совершенно правдоподобнымъ. Но чтò же это, какъ не софистика?“

„Почему же не такъ въ области римской исторіи?“ спрашиваетъ Виламовицъ и отвѣчаетъ: „потому, что тамъ есть государственное право: учрежденія сами носятъ въ себѣ свою логику, которая не допускаетъ софистической игры“. Конечно, науки права у аѣинянъ и у эллиновъ вообще нѣтъ, продолжаетъ Виламовицъ, но ихъ право скрывается въ философіи. Логика права должна создать руководящія мысли для массы матеріала древностей и въ государствѣ и его жизни дать болѣе достойный объектъ для историческаго сужденія, нежели вина Фукидида или невинность Демосѣена. Оба царя философіи (Платонъ и Аристотель) не оцѣнили историческаго значенія аѣинской демократіи, но они насъ научаютъ, чѣмъ античное государство желало быть и было.. Ближайшія задачи, по мнѣнію Виламовица, ставятся сами собою: исторію государственнаго строя съ 403 по 322 г. извлечь, при помощи логики, изъ надписей и ораторовъ, возстановить прочія политіи и идя отъ нихъ впередъ, а отъ времени римскаго владычества назадъ, опредѣлить, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ государственный строй и управленіе эллинистическихъ государствъ. Другими словами, Виламовицъ требуетъ, чтобы то, чтò Моммзенъ

сдѣлалъ для римскаго государственнаго права, было сдѣлано теперь для Греціи ¹⁾.

Другой выдающійся филологъ-классикъ, главные труды котораго принадлежать къ лучшимъ произведеніямъ въ области культурной исторіи Греціи и интересны не для однихъ специалистовъ-филологовъ, — Erwin Rohde ²⁾, родившійся въ 1845 г. и умершій профессоромъ въ Гейдельбергѣ въ началѣ 1898 г. Въ молодости на него оказала сильное вліяніе философія Шопенгауэра, дружба съ Ницше, вмѣстѣ съ которымъ онъ слушалъ лекціи въ Лейпцигѣ, и съ композиторомъ Вагнеромъ. Ницше, столь прославленный впоследствии философъ, какъ извѣстно, по специальности сначала былъ филологомъ, и когда въ 1872 г. онъ издалъ свое произведение: „Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik“ ³⁾, изъ-за котораго поднялся горячій споръ, то Роде выступилъ на защиту своего друга, между прочимъ и противъ Виламовица; но впоследствии между ними стало обнаруживаться отчужденіе и пути ихъ постепенно разошлись въ разные стороны.

Э. Роде.

Роде принадлежитъ два замѣчательныхъ труда: одинъ появился въ срединѣ 70-хъ годовъ и посвященъ греческому роману (Der griechische Roman und seine Vorläufer. 1876) ⁴⁾, другой вышелъ двумя выпусками въ 1890—4 г. и подъ заглавіемъ Psyche даетъ исторію вѣрованій грековъ въ безсмертіе души. Первый важенъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи романа вообще, и едва-ли нужно распространяться объ интересѣ этой темы; второй интересенъ не только для историка или филолога-классика, но и для этнолога и психолога; недаромъ уже въ 1898 г. понадобилось второе изданіе этой книги, а недавно вышло и третье ⁵⁾. Оба труда на-

¹⁾ A. Bauer, Die Forschungen...

²⁾ O. Crusius, Erwin Rohde. Ein biographischer Versuch. Tübingen-Leipz. 1902; ст.—W. Schmid'a (въ Jahresber. üb. die Fortschritte d. klass. Altertumswiss. CIII. 1900). Immisch'a (въ Neue Jahrb., X. 1902) и О. Ф. Зѣлинскаго (въ Beil. z. Allgem. Zeit., 1902, № 98).

³⁾ Есть въ русск. пер. Ницше принадлежитъ также изслѣдованіе объ источникахъ Диогена Лаэртія (Rh. Mus., 1869—70) и трактатъ противъ историческаго направленія „Ueber den Nutzen und Nachtheil der Historie für das Leben“, 1874.

⁴⁾ 2-е изд.—1900. См. ст. А. Н. Веселовскаго въ Ж. М. Н. Пр., 1876, ноябрь.

⁵⁾ Оба послѣднія изданія—въ 2 т.

писаны прекраснымъ языкомъ и имъ обоимъ предшествовали продолжительныя подготовительныя работы Роде ¹⁾.

Другіе нем.
филологи и
историки.

Изъ современныхъ нѣмецкихъ филологовъ и историковъ назовемъ еще преемника Роде по кафедрѣ въ Тюбингенѣ, а затѣмъ и въ Гейдельбергѣ, О. Crusius'a, Blass'a (автора „Die attische Beredsamkeit“), С. Wachsmuth'a, которому, какъ было уже упомянуто, принадлежитъ монографія „Die Stadt Athen im Alterth.“ и обширное „Введение“ (Einleitung in das Studium d. alten Geschichte), гдѣ собранъ богатый матеріалъ, хотя и безъ надлежащей системы и неодинаково обработанный; Lipsius'a, знатока преимущественно правовыхъ древностей, Diels'a, Usener'a, Br. Keil'я (см. стр. 167 и 434 сл.); недавно скончавшагося Ivo Bruns'a, автора прекрасныхъ сочиненій „Das literarische Porträt d. Griechen“ (1896) и „Die Persönlichkeit in der Geschichtschreibung der Alten“ (1898); Ad. Bauer'a, которому принадлежатъ критическія изслѣдованія о Геродотѣ (см. выше),Themistokl'я (Themistokles. Studien und Beiträge zur griech. Historiographie und Quellenkunde. 1881), объ Аристотелевой „Полити“ (см. выше, стр. 162) и обширный обзоръ работъ по греческой исторіи за 10 лѣтъ, съ 1888 по 1898 г. („Die Forschungen zur griech. Gesch.“ 1899), не говоря уже о многочисленныхъ его рецензіяхъ и бюллетеняхъ; Delbrück'a, военного историка („Die Perserkriege und die Burgunderkriege. 1887, и Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. I. 1900); Niese, которому принадлежитъ „Исторія греч. и макед. государствъ со времени битвы при Херонеѣ“ (1893 сл.), входящая въ составъ той-же коллекціи, къ которой принадлежитъ и „Греческая исторія“ Бузольта, и отличающаяся подобнымъ же характеромъ, т. е. съ сжатымъ текстомъ и многочисленными примѣчаніями; Kaerst'a (Studien zur Entwicklung und theoretischen Begründung der Monarchie im Altertum и Gesch. d. Hellenistischen Zeitalters. I. 1901), а также M. Fränkel'я (Die Attischen Geschworenengerichte. 1877) и Rud. Schöll'я (Ueber att. Gesetzgebung. 1887, De synegoris atticis. 1875; Die Anfänge einer polit. Liter. bei d. Griech. 1890), и австрійскихъ ученыхъ Gomperz'a (см. главн. обр.—Griechische Denker. 1896 сл.), Hartel'я (Studien über attisches Staatsrecht und Urkundenwesen. 1878), Szanto (Das griech. Bürgerrecht. 1892), Swoboda, которому, кромѣ уже упомянутой

¹⁾ Небольшія статьи и работы Роде собраны послѣ его смерти въ 2 т., подъ загл. Kleine Schriften. Tüb.-Leipz. 1901.

книги „Die griech. Volksbeschlüsse“ (1890), принадлежит между прочимъ миниатюрная Griechische Geschichte (1896)¹⁾: здѣсь въ книжкѣ маленькаго формата, на 200 съ небольшимъ страничкахъ, вкратцѣ излагается вся греческая исторія, съ обзоромъ источниковъ и (въ приложеніи) съ очеркомъ судьбы Греціи въ средніе и новыя вѣка вплоть до 1881 г.

Изъ справочныхъ пособій въ современной нѣмецкой литературѣ главное мѣсто занимаетъ Paulys Real-Encyclopädie d. classischen Altertumswissenschaft, вышедшая въ 1839—52 г., въ 6 т., и издаваемая теперь (1893 сл.) въ совершенно новой переработкѣ подъ редакціей Wissowa, при участіи многихъ специалистовъ: она представляетъ, такъ сказать, кодификацію современныхъ свѣдѣній по классической древности²⁾.

Во французской литературѣ за послѣдніе годы, какъ и за предъидущіе, нельзя указать какого-либо крупнаго общаго труда по исторіи Греціи³⁾. Но слѣдуетъ отмѣтить собраніе статей широко образованнаго и разносторонняго французскаго филолога, престарѣлаго Henri Weil'я (ему теперь болѣе 80 лѣтъ) подъ заглавіемъ *Études sur l'antiquité grecque* (Р. 1900) и другіе разнообразныя его статьи, а также лекціи по греческой исторіи (*Leçons d'histoire grecque*, Р. 1900)—на различныя темы—Bouché-Leclercq'a, автора извѣстной и въ русскомъ переводѣ „*Histoire de la divination dans l'antiquité*“. Книга Лефевра: *La Grèce antique* (Р. 1900), посвящена вѣрованіямъ грековъ, а *Introduction à l'histoire ancienne* Виктора Фурнье (Р. 1901) касается преимущественно доисторическаго періода. Центръ тяжести во французской литературѣ за послѣдніе годы, какъ и за предъидущіе, падалъ на отдѣльныя монографіи и изслѣдованія, изъ которыхъ наиболѣе выдающіяся уже упомянуты (см. напр. стр. 391—2).

Француз-
ская ли-
тература.

¹⁾ Въ коллекціи Göschen'a (Leipz.). Въ 1901 г. вышло 2-е изд.

²⁾ По древностямъ есть также словарь Любкера, имѣющійся въ 2 рус. переводахъ. Отмѣтимъ еще Словарь древностей Ресз'а, первый изданный въ Венгріи трудъ этого рода. По мифологіи выдается словарь Рошера (*Ausführliches Lexicon d. gr. u. röm. Mythologie*).

³⁾ Изъ некроуныхъ назовемъ: Blanchet et Toutain, *Histoire grecque...* (sommaires, récits, lectures). Р. 1900; Boxler, *Hist. de la Grèce ancienne*. Р. 1901; Seignobos, *Hist. narrative et descriptive de l'antiquité*. Р. 1902; Fougères, *La vie publ. et privée des grecs et des romains. Album...* 2-me éd. 1900; „*Histoire de la Grèce*“ грека Apostolopoulos'a, изд. въ Аѳинахъ, въ 1899, и проч.

Англійская
литера-
тура.
Абботъ.

Въ Англіи первую болѣе или менѣе значительную „Исторію Греціи“ послѣ Грота явилась „History of Greece“ Abbot'a. Изъ вышедшихъ трехъ томовъ ея I-й (1888), по обыкновенію, доводитъ изложеніе до Іонійскаго возстанія, II-й (1892) обнимаетъ періодъ отъ 500 г. до Тридцатилѣтняго мира 445 г., а III-й (1900)—445—403 г.

Приступая къ своему труду еще въ 80-хъ годахъ, авторъ самъ сознавалъ, что трудно послѣ такихъ предшественниковъ, какъ Гротъ, Дункеръ, Бузольтъ и Гольмъ, прибавить что-нибудь новое къ существующимъ изложеніямъ греческой исторіи. По его скромному заявленію, его трудъ написанъ съ мыслью дать въ небольшихъ размѣрахъ историческій очеркъ греческой цивилизаціи, а не въ надеждѣ пролить новый свѣтъ на старыя неясности или процитировать новое свидѣтельство тамъ, гдѣ всѣ свидѣтельства давно уже собраны. Но послѣ того, какъ слова эти были написаны и I-й томъ изданъ, произошло неожиданное открытіе новаго для насъ источника—„Аѳинской Политіи“ Аристотеля, и Абботъ воспользовался ею во II-мъ томѣ, который представляетъ для насъ болѣе интереса, нежели первый, уже потому, что тутъ Абботу приходилось высказать свои воззрѣнія и на аѳинскую демократію, и на ея вождей, т. е. по вопросамъ, которые съ такою горячностью обсуждались въ 80-хъ годахъ.

Здѣсь интересно сравнить взгляды Аббота со взглядами его знаменитаго предшественника, Грота. Между ними обнаруживается значительная разница. Абботъ не является „адвокатомъ“ аѳинской демократіи, какъ Гротъ, но и не нападаетъ на нее такъ рѣзко и страстно, какъ, напр., Ю. Шварцъ или даже Белохъ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы его взгляды были вполне ясны и опредѣленны: онъ не чуждъ колебаній и противорѣчій. Въ особенности это сказывается въ оцѣнкѣ реформы ареопага и платы судьямъ. Усилія Кимона спасти ареопагъ и поддержать конституцію Клисѳена Абботъ называетъ дальновидными и мудрыми; но и ограниченіе власти ареопага онъ считаетъ неизбежнымъ и полезнымъ (sic); съ другой стороны, говоритъ онъ, дальнѣйшій ходъ аѳинской исторіи показываетъ, что паденіе ареопага жестоко чувствовалось, и Эфялътъ сдѣлалъ ошибку, какую склонны дѣлать всѣ реформаторы: онъ разрушилъ учрежденіе вмѣсто того, чтобы приспособить его къ потребностямъ времени. Плату судьямъ Абботъ называетъ совершенною новостью, послѣдствія которой были огромны и пагубны: эта плата знаменуетъ начало крайней демократіи

въ Аѳинахъ. Но тутъ-же самъ Абботъ указываетъ, что при этомъ имѣлось въ виду дать суду болѣе крѣпкое и широкое основаніе, пріобрѣсти ему поддержку народа и предохранить его отъ пагубныхъ вліяній.

Изложеніе фактовъ у Аббота подробное. Авторъ—особенно когда дѣло идетъ о вопросѣ спорномъ—приводитъ вкратцѣ свѣдѣтельства источниковъ и мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ и взвѣшиваетъ ихъ. При этомъ онъ обнаруживаетъ тоже осторожность и даже нерѣшительность. Въ отношеніи къ греческой традиціи Абботъ склоненъ къ консерватизму и нерѣдко предпочитаетъ держаться этой традиціи. По поводу напр. описанія Мараѳонской битвы и возникающихъ тутъ недоумѣній онъ говоритъ, что лучше оставить эти рассказы такъ, какъ мы ихъ находимъ. Нужно еще сказать, что Абботъ большое вниманіе обращаетъ и на другія области, кромѣ Лаконіи и Аттики, и исторія послѣднихъ занимаетъ сравнительно небольшую часть его труда.

Новѣйшая лучшая общая исторія Греціи въ англійской литературѣ принадлежитъ извѣстному ученому Bury—*History of Greece to the death of Alexander the Great* (1900). По всесторонности, знанію литературы и источниковъ, по сравнительному небольшому объему (въ 1-мъ изд. въ одномъ томѣ—вся исторія Греціи до смерти Александра Македонскаго), наконецъ по изложенію,—это одно изъ лучшихъ и наиболѣе удобныхъ общихъ пособій. Исторія литературы и искусства, хозяйства, религіи, философіи, все это излагается въ связи съ политической исторіей. Отмѣтимъ еще между прочимъ, что у Bury исторія греческой колонизаціи предшествуетъ исторіи Спарты и Аѳинъ, въ отличіе отъ обычнаго порядка; борьба грековъ съ персами и карфагенянами, исторія греческаго востока и запада, излагаются параллельно; микенскую культуру Bury считаетъ скорѣе до-греческою, нежели негреческою; сношенія эллиновъ съ финикійцами относитъ къ сравнительно позднему времени, подобно Белоху; Лигурга признаетъ микенскою личностью; сравнительно подробно останавливается на исторіи Востока и т. под.

О Магаффи я уже говорилъ.

Въ англійской литературѣ имѣется сочиненіе, затрогивающее ту-же тему, что и *La cité antique* Фюстель де Куланжа; это—Fowler, *The city-state of the Greeks and Romans. A survey introductory to the study of ancient history* (1893); по оригинально-

сти и научнымъ достоинствамъ эту книгу, популярнаго характера, однако нельзя и сравнивать съ произведеніемъ Фюстель де Куланжа ¹⁾.

Изъ англійскихъ изслѣдователей и авторовъ монографій по отдѣльнымъ вопросамъ можно назвать Headlam'a, которому принадлежитъ очень хорошее изслѣдованіе о жребіи (Election by lot at Athens. Cambr. 1891), Whibley (Political parties in Athens during the Peloponnesian war. Cambr. 1889) и друг.

Въ американской литературѣ довольно видное мѣсто занимаетъ историческій очеркъ развитія аѳинской конституціи до начала Пелопоннесской войны Botsford'a—The Development of the Athenian Constitution (Cornell Studies in Classical Philology). 1893; авторъ особенно подробно останавливается на вопросѣ о родовомъ устройствѣ; этому посвящено около половины книги.

Итальян-
ская
(Де Сан-
тисъ).

Изъ сочиненій на итальянскомъ языкѣ самыми крупными за послѣдніе годы являются De Sanctis, *Storia della repubblica Ateniese dalle origini alle riforme di Clistene*, имѣющее однако немало недостатковъ ²⁾ (Сантисъ—ученикъ Белоха и находится подъ сильнымъ вліяніемъ его), и Pais, *Storia della Sicilia e della Magna Grecia* (1894. I).

Русская

В. А. Шеф-
фера и друг.

Въ русской литературѣ, кромѣ упомянутыхъ уже трудовъ Э. Р. ф.-Штерна и Э. Г. Мищенко, мы должны прежде всего отмѣтить работы безвременно скончавшагося (1900) московскаго профессора В. А. Шеффера ³⁾, именно его студенческую работу—„Очерки греческой исторіографіи“ („Кіев. Унив. Изв.“, 1885—4), въ которыхъ мы находимъ переводъ фрагментовъ 5 логографовъ, съ критическимъ разборомъ и оцѣнкой ихъ, и его диссертациі—*De Deli insulae rebus* (Berlin. 1889), являющуюся основною монографіею по данному вопросу, одною изъ лучшихъ въ ряду, теперь довольно длинномъ, работъ по мѣстной исторіи Греціи, и „Аѳин-

¹⁾ Книгъ болѣе или менѣе популярнаго характера по греческой исторіи и древностямъ вообще немало въ англійской литературѣ. Таковы: Cox, *Hist. of Greece*. 1874. 2 v.; Cox, *Lives of Greek statesmen*. 1885—6. 2 v.; Hammond, *The Political Institutions of the anc. Greeks*. 1895; Greenidge, *Handbook of Greek constitutional history*. 1896; Percy Gardner and Frank Byron Jevons, *Manual of Greek antiquities*. 1895; Allcroft, *History of Greece*; Shuckburgh, *A short History of the Greeks...* Cambr. 1901.—Есть новое изд. словаря Smith, Wayte and Marindin, *Dictionnary of Greek and Roman antiquities...* (2 т.).

²⁾ См. подробную рец. А. М. Придика въ Ж. М. Н. Пр., 1901, янв.

³⁾ См. о немъ ст. въ „Фил. Обзор.“, XVIII, 1900.

ское гражданство и народное собраніе“ (М. 1891). Последняя представляет собой объемистый томъ; цѣль автора была замѣнить извѣстную, но уже устарѣвшую книгу Шемана, *De comitiis Atheniensium*, „достойнымъ ея преемникомъ“; планъ труда задуманъ былъ широко, все изслѣдованіе рассчитано было на три части, но изъ этого обширнаго плана была выполнена только первая часть. Автору пришлось касаться многихъ темныхъ и спорныхъ вопросовъ относительно родового строя, выходить изъ предѣловъ собственно классической филологіи и даже исторіи. Для насъ наибольшій интересъ представляетъ II глава, въ которой подробно излагается исторія родового строя въ Аѣинахъ и борьба территоріальнаго принципа съ родовымъ; особенно же обстоятельно разсматривается реформа Клисеена.

Едва-ли не главное значеніе этого труда В. А. Шеффера заключается въ томъ, что авторъ одинъ изъ первыхъ воспользовался только-что открытымъ тогда трактатомъ Аристотеля и притомъ воспользовался критически и въ широкихъ размѣрахъ. В. А. Шефферъ и потомъ много занимался этимъ трактатомъ; ему принадлежатъ напр. „Афоризмы и замѣтки къ Аѣинской Политіи Аристотеля“ (Фил. Об., VII. 1894), и систематичные, отличающіеся полнотою, обзоры (на нѣм. яз.) обширной литературы „Политіи“ въ „Jahresbericht über die Fortschritte d. klass. Altertumswissenschaft“ (по 1895).

Вообще открытый трактатъ Аристотеля вызвалъ у насъ значительную литературу. Назовемъ напр. работы А. Н. Деревницкаго, Э. Р. ф.-Штерна, О. Г. Мищенко, А. Н. Шварца, Г. О. Шульца и въ особенности П. Г. Виноградова и его учениковъ—М. М. Покровскаго, В. А. Маклакова, М. О. Гершензона¹⁾.

О другой „Аѣинской Политіи“, такъ наз. Псевдо-Ксенофоновой, въ 1891 г. появилось изслѣдованіе А. Н. Шварца, съ обзоромъ предшествующей литературы, текстомъ самаго произведенія и объяснительными примѣчаніями (см. стр. 135, прим. 1).

Возвращаясь къ собственно историческимъ трудамъ, мы должны отмѣтить, какъ выдающійся ученый трудъ, диссертацию С. А. Жебелева, посвященную еще мало изслѣдованному темному періоду „Изъ исторіи Аѣинъ, 229—31 г. до Р. Хр.“ (Спб. 1898).

¹⁾ См. выше, гдѣ рѣчь идетъ объ Аристотелѣ.

Частью исторіи, частью литературы касаются труды А. Н. Деревницкаго ¹⁾, Θ. Ф. Зѣлинскаго ²⁾, М. И. Мандеса ³⁾, А. М. Придика ⁴⁾ (автора *De Cei insulae rebus*. 1892), С. П. Шестакова ⁵⁾, не говоря уже о многочисленных трудахъ Θ. Г. Мищенко. Въ заключеніе упомянемъ еще о публичныхъ лекціяхъ Ю. А. Кулаковскаго, посвященныхъ представленіямъ грековъ о смерти и безсмертіи ⁶⁾.

Всѣмїрныя
исторіи.

Для полноты очерка надо хотя вкратцѣ упомянуть о всемїрно-историческихъ обзорахъ, „Всеобщихъ“ или „Всѣмїрныхъ исторіяхъ“, куда, какъ часть, разумѣется, входитъ и исторія Греціи. Подробно говорить о нихъ я однако здѣсь не имѣю возможности.

Знаменитый нѣкогда трудъ Шлоссера теперь совершенно устарѣлъ ⁷⁾; „Всеобщая исторія“ Вебера, въ которой о Греціи говорится во II т.,—сухая компиляція, тоже не соответствующая современному состоянію науки ⁸⁾. Даже во многихъ отношеніяхъ замѣчательная *Weltgeschichte* „старого мастера нѣмецкой исторической науки“ („*Altmeister der deutschen Geschichtswissenschaft*“) Л. Ранке, I-я часть которой появилась въ 1880 г. ⁹⁾, при всей своей оригинальности ¹⁰⁾, имѣетъ крупныя пробѣлы и недостатки и притомъ написана до открытія „Аѳинской Политіи“ Аристотеля. Болѣе новыми, хотя и болѣе заурядными, пособіями являются:

¹⁾ Изъ исторіи греч. этики. Харьк. 1886; Гомерич. гимны. Х. 1889; О началѣ историко-литературныхъ занятій въ древн. Греціи. Х. 1891.

²⁾ Напр. „Геродъ и его бытов. сценки“. 1892; „Законъ хронолог. несомѣстимости и композиціи Иліады“ (въ *Христѣрих*. М. 1896, и на нѣмец. яз.), изслѣдованіе о древнеаттич. комедіи (въ томъ числѣ большой трудъ на нѣмец. яз.—„*Die Gliederung d. altatt. Komödie*“. Leipz. 1885).

³⁾ „Мессенск. войны и возстановл. Мессеніи“. Од. 1898; „Опытъ истор.-крит. комментарія къ греч. исторіи Діодора“. Од. 1901.

⁴⁾ „Шестая рѣчь Исея“ (Зап. Юрьевск. Унив., 1902).

⁵⁾ „О происх. поэмъ Гомера“. Каз. 1892—1900. 2 т.; „Краснорѣчіе у др. грек. въ его вліяніи на ихъ историч. литературу“. Каз. 1901.

⁶⁾ „Смерть и безсм. въ представл. др. грек.“. Кіевъ. 1899.

⁷⁾ Старинная *Weltgeschichte* Беккера въ 80-хъ годахъ издана въ переработан. видѣ; имѣется и въ русск. пер.

⁸⁾ Въ русск. пер. II т. во 2-мъ изд.—1886 г.

⁹⁾ Послѣдующія изданія—безъ перемѣнъ.

¹⁰⁾ Подробнѣе—въ моей ст. „Научн. литер. по греч. исторіи“, въ „Фил. Обзор.“, IV. 1893.

„Всеобщая исторія“ Оскара Йегера ¹⁾, въ послѣднемъ ея изданіи ²⁾; Spamer's, Illustrierte Weltgeschichte, въ 3-мъ изданіи (1896) коей греческая исторія обработана Rösiger'омъ, причемъ особенное вниманіе обращено на культурную сторону, и „Weltgeschichte“ Герм. Шиллера (I т.—Berlin. 1900). Въ „Weltgeschichte“ Гельмольта ³⁾, представляющей коллективный трудъ и составляемой по особому, своеобразному плану, краткій очеркъ исторіи Греціи находится въ IV т. и принадлежит Rud. v. Scala, извѣстному своимъ изслѣдованіемъ о Полибіи. Сжатымъ конспектомъ или „репетиторіемъ“ можетъ служить Willy Strehl, Kurzgefasstes Handbuch der Geschichte ⁴⁾.

Во французской литературѣ имѣется „Histoire universelle“ Мариуса Фонтана ⁵⁾; но хотя столь авторитетный журналъ, какъ „Revue historique“ и далъ о ней какъ-то сочувственный отзывъ, тѣмъ не менѣе на самомъ дѣлѣ это—крайне поверхностное произведеніе, изобилующее общими мѣстами и фразами, а въ блестящей книжкѣ Лависса (Lavisse), „Vue générale de l'histoire politique de l'Europe“ (Paris. 1890; есть русскій переводъ), Греціи посвящено только 3 странички.

Въ русской литературѣ, если оставить въ сторонѣ учебники и пособія, имѣющія въ виду главнымъ образомъ потребности средней школы ⁶⁾, можно отмѣтить „Лекціи по всемірной исторіи“ проф. М. Н. Петрова (т. I. Исторія древняго міра, обработанная А. Н. Деревницкимъ. Харьк. 1883 г.). Лекціи эти представляютъ общій курсъ, читанный покойнымъ профессоромъ въ Харьковскомъ университетѣ въ теченіе 70-хъ и первой половины 80-хъ годовъ и оставшіяся послѣ его смерти въ видѣ литографированныхъ записокъ слушателей. А. Н. Деревницкій, гдѣ нужно, исправилъ и внесъ добавленія, что требовало большого труда въ виду значительной отсталости курса, и въ особенности пополнилъ библіогра-

¹⁾ Есть и отдѣльная „Ист. Греціи“ Йегера.

²⁾ Русск. пер. I т., содержащаго древн. исторію,—Спб. 1894.

³⁾ Перевод. и по-русски.

⁴⁾ 1-е изд.—1892; 2-е изд.—Grundriss d. alten Gesch. und Quellenkunde. I. Griech. Gesch., въ обраб. Habel's, 1901.

⁵⁾ Marius Fontane, Histoire universelle. T. V. La Grèce (de 1300 à 480 av. J. C.) Paris. 1885; t. VI. Athènes (de 480 à 336). Paris. 1889.

⁶⁾ Каковы „Исторія Греціи“ Я. Г. Гуревича, „Очерки и рассказы изъ всеобщей исторіи“ Д. И. Иловайскаго и проч. Среди руководствъ мы должны въ особенности отмѣтить новѣйшіе учебники проф. П. Г. Виноградова и Н. И. Карѣва.

фическія указанія, помѣстивъ ихъ въ началѣ каждой главы и въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній, въ соответствующихъ мѣстахъ. М. Н. Петровъ преимущественно слѣдилъ за связью фактовъ, стараясь представить самый „механизмъ историческаго движенія“. Въ этомъ смыслѣ его курсъ является до нѣкоторой степени какъ-бы историко-философскимъ обзоромъ. Но отсюда же сжатость изложенія и отсутствіе фактическихъ подробностей, и въ этомъ проф. Петровъ заходилъ, къ сожалѣнію, слишкомъ ужъ далеко, давая иногда меньше фактическаго матеріала, нежели даже гимназическіе учебники. Не будучи самостоятельнымъ изслѣдователемъ въ области древней исторіи, основываясь на трудахъ иностранныхъ ученыхъ, М. Н. Петровъ умѣлъ однако отлично сгруппировать, освѣтить и осмыслить факты; тутъ обнаруживался тонкій умъ и талантливость профессора. Прибавимъ къ этому образцовый по сжатости, выразительности и изяществу языкъ, что вполне гармонируетъ съ даваемымъ М. Н. Петровымъ опредѣленіемъ исторіи, какъ научнаго и вмѣстѣ художественнаго воспроизведенія прошлаго... Но и въ переработанномъ видѣ лекціи М. Н. Петрова, какъ вышедшія еще въ концѣ 80-хъ годовъ, оказываются теперь устарѣлыми ¹⁾.

Исторіи Греціи касаются и авторы двухъ новѣйшихъ, весьма интересныхъ и оригинальныхъ по проводимымъ въ нихъ взглядамъ трудовъ, возбудившихъ немалое вниманіе,—Breysig въ I половинѣ II т. своей „Kulturgeschichte der Neuzeit“ (Berl. 1901), представляющей „сравнительную исторію развитія главныхъ народовъ Европы и ихъ соціальной и духовной жизни“, и Chamberlain ²⁾ въ своихъ „Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts“, въ теченіе четырехъ лѣтъ потребовавшихъ 4 изданій ³⁾. Къ сожалѣнію, я не имѣю возможности на нихъ останавливаться. Скажу только, что Брейзигъ доказываетъ параллелизмъ развитія греко-римскаго и германо-романо-славянскаго міра, а Чемберленъ во многомъ сходится съ Юліусомъ Шварцемъ (см. стр. 407 сл.), но очень высоко цѣнитъ грековъ какъ художниковъ, обладавшихъ творческою фантазією.

Много статей, касающихся греческой исторіи, можно встрѣтить въ такихъ журналахъ, какъ Historische Zeitschrift, и

¹⁾ Предположено новое изданіе ихъ.

²⁾ Его не надо смѣшивать съ извѣстнымъ англійскимъ государственнымъ дѣятелемъ.

³⁾ 1-е изд.—1899, 4-е—1903.

Revue historique, въ особенности же — въ *Rheinisches Museum*, *Philologus*, *Neue Jahrbücher für d. klass. Philologie und Pädagog.* (преобразованныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ *Neue Jahrbücher f. d. klassische Altertum, Geschichte und deutsche Litteratur*), *Hermes*, *Beiträge zur alten Geschichte* (изд. Lehmann'омъ), *Revue de philologie*, *Revue des études grecques*, *Revue archéologique*, *Classical Review*, *Rivista di filologia*, *Журналъ Мин. Народ. Просв.* (преимущественно въ „Отдѣлѣ классической филологии“), *Филолог. Обзорѣнїи* и т. под., не говоря уже о *Mitteilungen*, *Bulletin de corresp. hellén.* и нѣкоторыхъ другихъ, о которыхъ рѣчь шла раньше. Обзоры литературы помѣщаются въ большинствѣ изъ упомянутыхъ журналовъ, преимущественно же въ *Jahresberichte der Geschichtswissenschaft*, *Jahresbericht über die Fortschritte d. klass. Altertumswissenschaft* (основ. Bursian'омъ, изд. потомъ Iw. Müller'омъ, а теперь — Gurlitt'омъ и Kroll'омъ), *Berliner Philologische Wochenschrift*, *Wochenschrift f. d. klass. Philologie* и проч.

Историку постоянно приходится имѣть дѣло съ хронологіей. Помимо специальныхъ изслѣдованій по тому или другому вопросу касательно греческой хронологіи, мы располагаемъ и общими справочными трудами, каковы „*Fasti Hellenici*“ Клинтона (въ обраб. Krüger'a. Lips. 1830) и „Хронологическія таблицы“ Петера (пер. съ нѣм. В. В. Смирновымъ. М. 1893). Къ хронологіи имѣютъ отношеніе и труды Авг. Моммзена ¹⁾. — По географіи древней Греціи извѣстны труды Киперта ²⁾ и Бурзияна ³⁾ и атласы того-же Киперта и Шпрунера-Менке ⁴⁾.

Историку приходится часто обращаться къ трудамъ по исторіи греческой литературы, философіи, греческаго искусства.

Лучшимъ новѣйшимъ пособіемъ по исторіи греческой литературы служить „*Geschichte der griech. Litteratur*“ Криста (Christ), входящая въ составъ коллекціи Iw. Müller'a; въ теченіе 10 лѣтъ она выдержала 3 изданія; послѣднее (1898) представляетъ объе-

¹⁾ Chronologie. Untersuchungen über das Kalendarwesen d. Griechen. Leipz. 1883; Feste d. Stadt Athen im Alterth. Leipz. 1898. См. еще Lersch, Einleitung in die Chronologie. 2-te Aufl. Freib. i. Br. 1899. 2 Th. (о календарѣ и хронологіи грековъ — въ 1-й ч.).

²⁾ Kiepert, Lehrbuch d. alten Geographie. Berlin. 1878.

³⁾ Bursian, Geographie von Griechenland. 2 Bde. Leipz. 1862—72.

⁴⁾ Атласъ древн. въ новой обраб. Sieglin'a (Gotha. 1893—5).

Журналы.

Хронологія.

Исторіи
литерату-
ры, фило-
софіи, ис-
кусства и
проч.

мистый томъ въ 900 съ лишкомъ страницъ. Въ нѣмецкой литературѣ можно назвать еще Bergk, Griech. Litteraturgeschichte (1872 сл., 4 т.), Sittl, Gesch. d. griech. Litterat. bis auf Alex. d. Gross. (1887, 3 т.)¹⁾ и старинные труды, впоследствии неразъ переиздававшіеся, Bernhardt²⁾ и К. О. Müller'a³⁾; кромѣ того, имѣется специальная исторія греческой литературы въ Александрийскій періодъ—Susemihl'я⁴⁾. Въ Geschichte der Weltliteratur Баумгартнера, въ III-мъ томѣ (1900), найдемъ обзоръ классической литературы. На французскомъ языкѣ есть обширная „Histoire de la littérature grecque“ братьевъ Croiset (5 т. 1887—99), а въ англійской литературѣ отмѣтимъ труды Магаффи и Джебба⁵⁾.

По исторіи греческой философіи прежде всего, конечно, слѣдуетъ назвать извѣстный капитальный трудъ Zeller'a, Die Philosophie d. Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung⁶⁾; затѣмъ „Griechische Denker“ (1896 сл.) Гомперца,—талантливую и общедоступную исторію античной философіи, въ связи съ научными теоріями и вообще умственной жизнью того времени, и оригинальную, можно сказать, художественно написанную „The philosophy of Greece“ (1898) Benn'a, рассматривающаго философію въ ея отношеніи къ характеру и исторіи народа. Чрезвычайно полезнымъ пособіемъ является „Исторія древней философіи“ Виндельбанда (есть 3-е изд. рус. пер.). Назову еще „Первые шаги греч. науки“ Таннери (рус. пер. Спб. 1902), „Введеніе въ философію“ Вундта⁷⁾ и „Die Ethik der alten Griechen“ Л. Шмидта. О другихъ, старыхъ пособіяхъ я не буду говорить⁸⁾. Въ русской литературѣ, кромѣ выдающагося для своего времени, но теперь устарѣлаго труда О. Новицкаго, „Постепенное развитіе

¹⁾ См. еще миниатюрную Griechische Litteraturgesch. v. Gercke, въ коллекціи Göschen'a (Leipz. 1898), а также Штоль, Велик. греч. писатели. Очеркъ классич. литерат. грековъ въ біографіяхъ. Пер. съ нѣм. 2-е изд. 1900.

²⁾ Grundriss d. griech. Litt. 2 Bde (1-е изд.—1836—45).

³⁾ См. выше, стр. 316.

⁴⁾ Gesch. d. gr. Litter. in der Alexandr.-zeit. Leipz. 1891—2. 2 Bde.

⁵⁾ Имѣются и въ русск. пер.—Въ „Исторіи всеобщ. литерат.“, изд. подъ ред. В. О. Корша и А. И. Кирпичникова, обзоръ греч. литерат. составленъ первымъ изъ названныхъ редакторовъ.

⁶⁾ На рус. яз. есть его краткій „Очеркъ исторіи греч. философіи“ (1886).

⁷⁾ Есть нѣск. русск. перев.

⁸⁾ „Исторія философіи“ Ueberweg'a, въ обраб. Heinze, въ подлинникѣ выходитъ теперь уже 9 изд.

древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языч. вѣ-
рованныхъ“ (Кіевъ. 1860—1. 4 т), слѣдуетъ отмѣтить монографіи
А. М. Гилярова (Греч. софисты“; см. выше, стр. 411) и въ осо-
бенности кн. С. Н. Трубецкаго („Метафизика въ древн. Греціи“.
М. 1890). Понятно, что пособіями могутъ служить и труды по
исторіи философіи права, какъ напр. „Лекціи“ П. Г. Рѣдкина
(1889—91) или „Исторія политическихъ ученій“ Б. Н. Чичери-
на (т. I-й, 1869, и въ „Библ. для самообраз.“ 1897)¹⁾.

По исторіи искусства есть руководство Куглера²⁾, теперь
уже устарѣлое, „Die Kunst des Altertums“ Любке³⁾, извѣстное
соч. Карриера: „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ куль-
туры“ (т. II, рус. пер. 1871), тоже немало устарѣлое, „Исторія
искусствъ“ Байэ (пер. съ доб. проф. Павлуцкаго); но особен-
но важны (не говоря уже о Винкельманѣ) труды Брунна⁴⁾,
этого „Нестора классической археологіи“⁵⁾, Овербека⁶⁾, Ко-
линъона⁷⁾, Фуртвенглера⁸⁾ и обширная, общая исторія иску-
ства въ древности Perrot и Chipiez. Полезнымъ пособіемъ слу-
житъ словарь Ваумеистера „Denkmäler des classischen Altertums“
(1885—8. 3 т.), нуждающийся однако уже въ новой обработкѣ.—
Въ русской литературѣ въ настоящее время имѣется немало
монографій и изслѣдованій изъ области исторіи греческаго иску-
ства, напр. А. В. Прахова⁹⁾, В. К. Мальмберга¹⁰⁾, А. А. Пав-
ловскаго¹¹⁾, Б. В. Фармаковского¹²⁾ и т. д., не говоря уже объ

¹⁾ Обстоятельный обзоръ того, что можно читать на русск. яз. по исто-
ріи философіи, сдѣланъ Э. Л. Радловымъ въ „Вѣстн. и Библ. Самообраз.“
1903, № 3 сл.

²⁾ I-й т.; русск. пер.—1869.

³⁾ I-е изд. 1860; новая обраб. Semrau, 1899.

⁴⁾ Gesch. d. griech. Künstler (1853); Griech. Kunstgeschichte (1893; только
начало); Griech. Götterideale in ihren Formen erläutert (1893).

⁵⁾ См. ст. Н. В. Цвѣтаева о Бруннѣ въ „Фил. Обозр.“, V. 1893.

⁶⁾ Gesch. d. griech. Plastik. 4-te Aufl. Leipz. 1892—4. 2 Bde.

⁷⁾ Histoire de la sculpture grecque. 1892—7. 2 v.

⁸⁾ Напр. Meisterwerke d. griech. Plastik. Leipz. Berlin. 1893 и новѣйшій
трудъ: Die antiken Gemmen. Geschichte der Steinschneidekunst im klass. Altert.
Leipz.-Berl. 3 Bde.

⁹⁾ Изслѣд. по ист. греч. искусства. Спб. 1871.

¹⁰⁾ Метопы древнегреч. храмовъ. Каз.-Дерптъ. 1890—2.

¹¹⁾ Скульптура въ Атикѣ до Греко-Перс. войнъ. Спб. 1896.

¹²⁾ Вазовая живопись и ея отношеніе къ монум. искусству въ эпоху не-
посредственно послѣ Греко-Перс. войнъ. Спб. 1899 сл.

упомянутыхъ раньше трудахъ Н. П. Кондакова, Э. Р. ф.-Штерна, Ю. А. Кулаковского и друг. касательно древностей южной Россіи.

По нумизматикѣ важны труды Imhoof-Blumer'a¹⁾ и Babelon'a²⁾.

Заключение.—Общій характеръ современнаго научнаго движенія въ области греческой исторіи.

Подведемъ, такъ сказать, итогъ,—резюмируемъ сказанное и охарактеризуемъ въ общихъ чертахъ современное научное движеніе въ области древне-греческой исторіи³⁾.

Въ обществѣ широко распространено мнѣніе, что въ древней исторіи все уже изучено до послѣднихъ подробностей, что все здѣсь давно уже извѣстно и изслѣдователю, работающему въ этой области, ничего не остается, какъ только повторять зады, старое, избитое. Нѣтъ ничего ошибочнѣе подобнаго мнѣнія. Наоборотъ, ни въ одной, быть можетъ, сферѣ историческаго знанія не замѣчается въ настоящее время такого оживленія, не совершается такого быстраго движенія, не дѣлается такихъ открытій, какъ въ греческой исторіи. При этомъ тутъ наблюдается интересное совпаденіе: съ одной стороны, мѣняются вообще воззрѣнія на историческій процессъ и его факторы; обращается вниманіе на такія явленія исторической жизни, которыя до сихъ поръ оставались въ пренебреженіи, въ тѣни; къ исторіи, какъ къ наукѣ, предъявляются новыя требованія, ей ставятся новыя задачи; съ другой стороны, открывается новый матеріалъ для рѣшенія этихъ задачъ въ области греческой исторіи.

Начало современнаго движенія въ изученіи греческой исторіи относится къ 70-мъ годамъ XIX в., и первое, что характеризуетъ его, есть именно чрезвычайный ростъ матеріала, открытіе новыхъ данныхъ.

Этимъ мы обязаны прежде всего археологіи—тѣмъ замѣчательнымъ раскопкамъ, которыя начались съ 70-хъ годовъ.

Можно сказать, что въ настоящее время почти всѣ націи образованнаго міра, начиная съ нѣмцевъ и кончая практическими янки,—отдѣльныя лица, ученые общества и учрежденія, прави-

¹⁾ См. выше, стр. 11, прим. 3.

²⁾ Les origines de la monnaie, considérées au point de vue économique et historique. P. 1897; Traité des monnaies grecques et romaines. I. 1901.

³⁾ См. мою ст. въ „Русск. Мысли“, 1900, февраль.

тельства,—всѣ соперничаютъ другъ съ другомъ на этомъ поприщѣ, употребляютъ громадныя средства, иногда сотни тысячъ, и каждая изъ націй имѣетъ обыкновенно какъ-бы свой излюбленный районъ, гдѣ преимущественно ея представителями или на ея счетъ производятся раскопки.

Среди матеріала для исторіи Греціи особенно видное мѣсто заняли надписи, имѣющія для нея то-же значеніе, что для новой—архивные документы. Это—какъ бы „каменный архивъ“ Эллады.

Надписями интересовались и раньше. Ими пользовался Бекъ для своего извѣстнаго труда о „Государственномъ хозяйствѣ аѳинянъ“; онъ же положилъ начало научному изданію ихъ и явился основателемъ особой дисциплины—эпиграфики. Но все-же это были скорѣе исключенія, единичныя явленія, и послѣ Бека до самаго конца 60-хъ гг. XIX в. надписями, говоря вообще, пользовались сравнительно мало; ихъ оцѣнили не сразу, и, какъ историческій источникъ, онѣ долго еще стояли на заднемъ планѣ. Вполнѣ надписи оцѣнены и на нихъ обращено надлежащее вниманіе лишь съ 70-хъ годовъ: за послѣднія лѣтъ тридцать эпиграфика сдѣлала громадныя успѣхи, достигла блестящаго развитія, и въ изученіи греческой исторіи возобладало эпиграфическое направленіе, съ его нерѣдко крайностями и односторонностями.

Что касается монетъ, то хотя за послѣдніе дѣсятки лѣтъ и появилось нѣсколько выдающихся изслѣдованій, посвященныхъ имъ каталоговъ и описей, но все-таки, несмотря на значеніе нумизматическихъ данныхъ, какъ источника для исторіи торговли, экономическихъ и даже внѣшнихъ, политическихъ отношеній, новѣйшіе историки Греціи въ общемъ удѣляли имъ сравнительно мало вниманія, за исключеніемъ Гольма.

На-ряду съ археологическими раскопками и разысканіями шли изслѣдованія по топографіи Греціи, которымъ наука обязана новыми данными для исторіи и географіи древней Эллады, частью подтверждающими, частью исправляющими свидѣтельства древнихъ авторовъ.

Наконецъ, поразительно увеличился и матеріаль рукописный, особенно за послѣднія двѣнадцать лѣтъ. Найдена масса папирусовъ, содержащихъ разнаго рода документы, отрывки и даже цѣлыя произведенія древнихъ авторовъ, между ними такія, которыя раньше были неизвѣстны намъ или считались утраченными навсегда. Наступила эпоха „папирологіи“.

Отноше-
ние къ ма-
териалу.

Но не только чрезвычайно возросъ матеріалъ по греческой исторіи; измѣнилось и самое отношеніе къ матеріалу.

Во-первыхъ, между тѣмъ какъ прежде исторію Греціи излагали, основываясь почти исключительно на древнихъ авторахъ, теперь первое мѣсто нерѣдко отводится надписямъ и—въ послѣднее время—папирусамъ, т. е. матеріалу по преимуществу документальному, въ своемъ родѣ архивному. Такимъ образомъ, исторія Греціи получила характеръ документальный. Другими словами, въ ея разработкѣ совершилась такая-же перемѣна, какая въ разработкѣ новой исторіи произошла гораздо раньше, еще въ 20-хъ годахъ XIX ст. Было время, когда, напр., и исторію Западной Европы въ XV и XVI вв. излагали по историческимъ сочиненіямъ Гвиччардини, Бокера и т. п. Подобно тому, какъ изслѣдователи новой исторіи обращаются къ наполненнымъ бумагами архивамъ, такъ и новѣйшіе историки Греціи обращаются къ „каменному архиву“ Эллады, и какъ въ области разработки новой исторіи „архивное направленіе“ подчасъ вырождается въ крайность и односторонность, такъ и въ области разработки древней увлеченіе эпиграфическимъ матеріаломъ заходитъ иногда слишкомъ далеко, и изъ-за этого матеріала слишкомъ пренебрегаются источники литературные.

Измѣнился въ послѣднее время и взглядъ на древнихъ авторовъ. Въ 60-хъ и отчасти въ 70-хъ годахъ господствовала такъ называемая *Einquellentheorie*, т. е. мнѣніе, будто древніе авторы, подобные Плутарху и Діодору, клали въ основу своего изложенія каждый разъ лишь одинъ какой-нибудь источникъ, списывая его механически или дословно. Въ сущности это было распространеніе на античную исторіографію того положенія, которое было примѣнимо къ средневѣковой. По большей части, это была безплодная работа, и въ настоящее время *Einquellentheorie* можетъ считаться ужъ оставленною, какъ совершенно невѣрная по отношенію къ древнимъ авторамъ.

XIX вѣкъ отличается, между прочимъ, высокимъ развитіемъ исторической критики. Послѣдняя доходитъ иногда даже до крайности, до натяжекъ и ухищреній, превращается въ гиперкритику и въ излишній скептицизмъ. Такое направленіе отразилось и на разработкѣ греческой исторіи. Оно выразилось, во-первыхъ, въ оцѣнкѣ древнихъ историковъ (напр. въ нападкахъ Миллеръ-Штрюбинга на Фукидида, въ отзывѣхъ объ открытомъ трактатѣ Аристотеля). Во-вторыхъ, крайности критики проявлялись